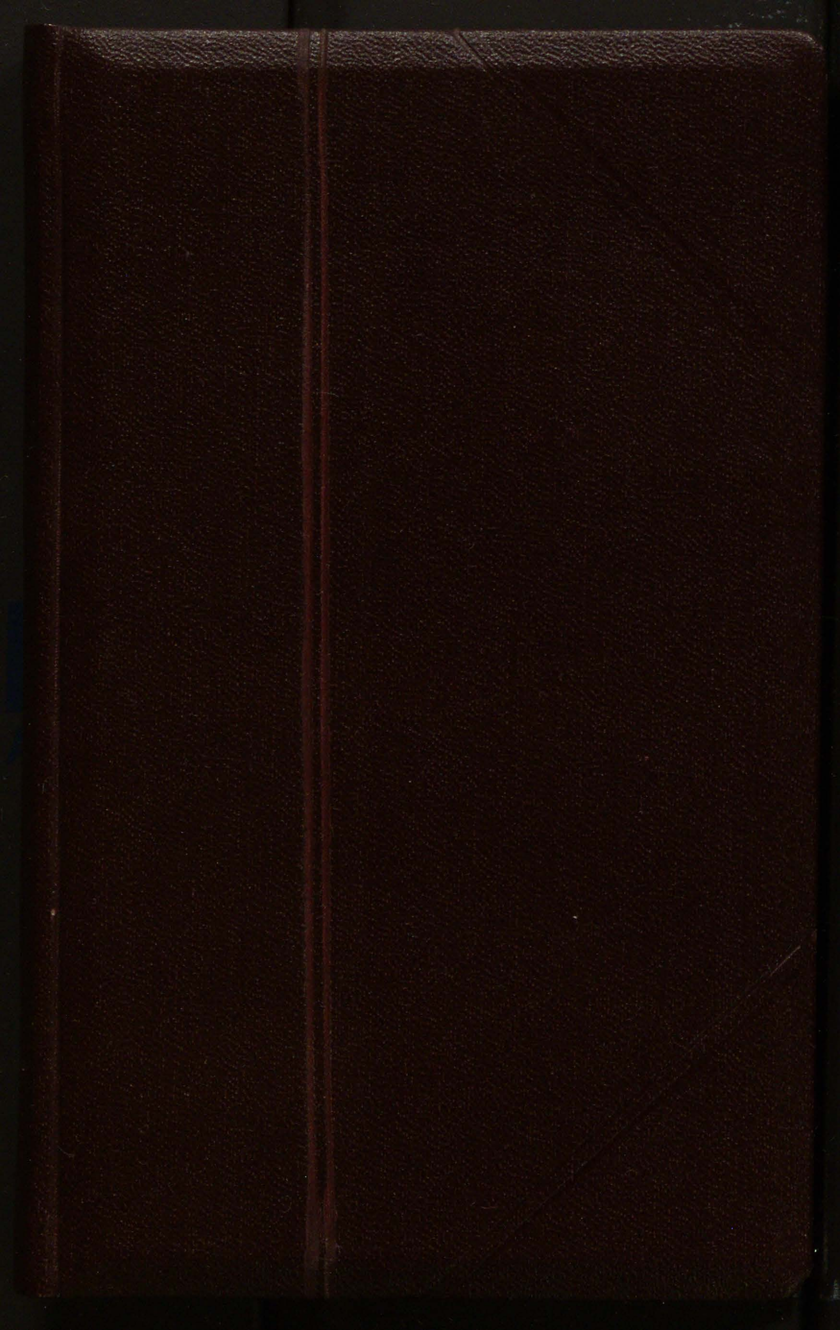
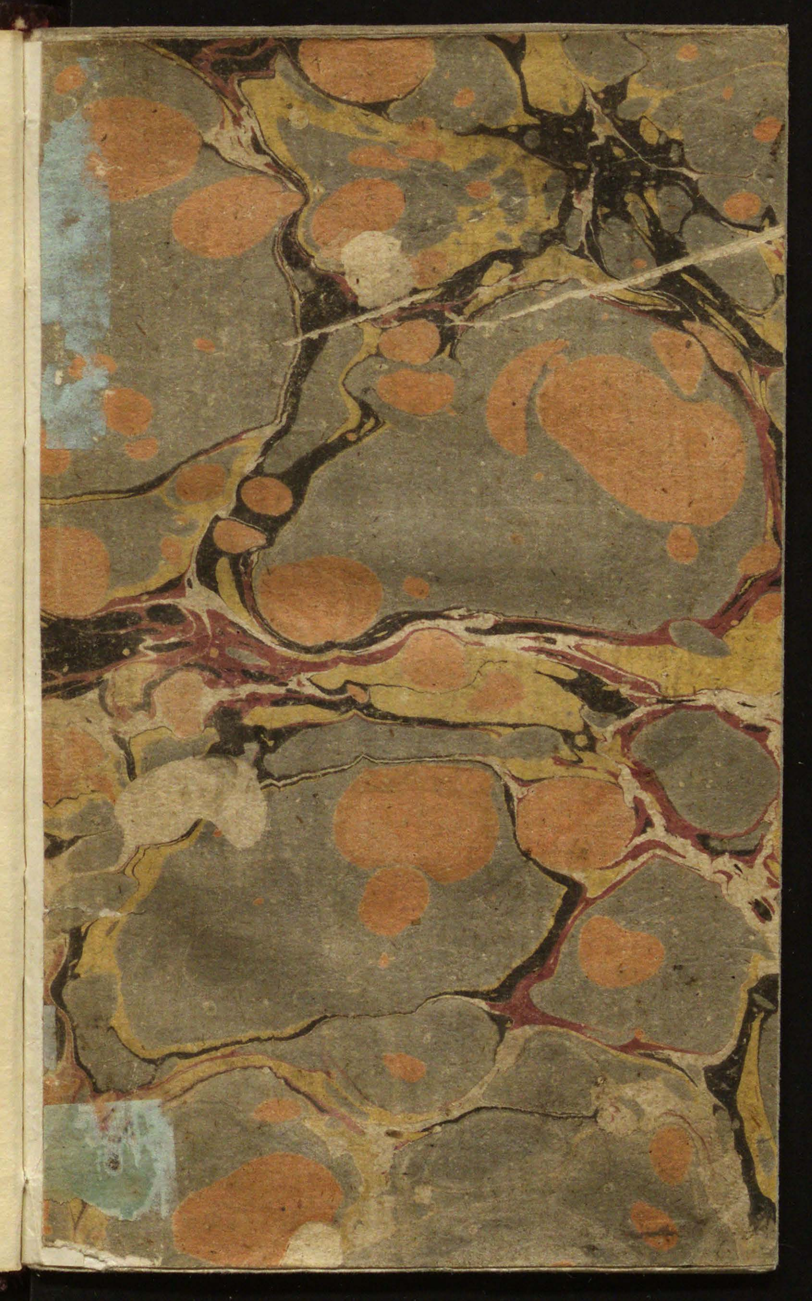

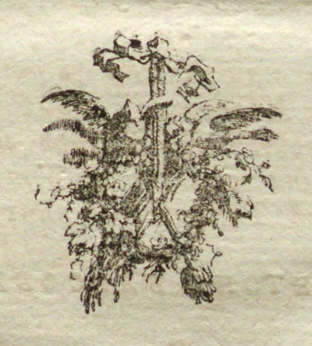

МУЗАРІОНА,
ИЛИ
ФИЛОСОФІЯ
ГРАЦІЙ.

Поэма въ трехъ пѣсняхъ,

сочиненія Г. Виланда.

Переведена М. Г.

ВЪ МОСКВѢ,

Въ Университетской Типографіи,

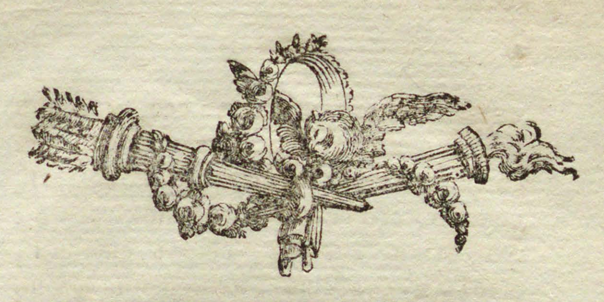
у Н. Новикова, 1784 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Музаріона, или философія Грацій, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

МУЗАРІОНА,

или

ФИЛОСОФІЯ ГРАЦІЙ.

Пѣснь перпая.

Посреди уединенной рощи, окружающей небольшое сельское наслѣдіе, лежащее близь моря, Фаній бродилъ печально и туды и сюды; онъ былъ одинъ, и печаль его бродила съ нимъ. Глава его не была увѣнчана розами, и его растрепанные волосы клокатились по произволенію вѣтровъ; его взгляды, его походка, его видъ, все изображало въ немъ живо уныніе и задумчивость. По симъ однѣмъ

чертамЪ почлибЪ уже его, можетЪ быть, за Тимона нелюдима; но одѣяніе, коимЪ онЪ былЪ покрытЪ, дѣлало его еще болѣе похожимЪ: то была епанча, столь старая, столь худая, столь изношенная, что можнобЪ было подумать, что она самая та, которая вЪ старину служила Кратесу, и что Фаній получилЪ ее вЪ наслѣдство послѣ смерти Діогеновой. ТакимЪ образомЪ ходилЪ онЪ вЪ задумчивости, смотря вЪ полглаза, повѣся голову, руки назадЪ. Видя его длинную бороду, его растрепавшіеся волосы, его чело, покрытое уныніями и неудовольствіями, и его Циническое одѣяніе, кто бы могЪ узнать вЪ семЪ превращеніи того Фанія, кругомЪ котораго порхали недавно Граціи и смѣхи; того Фанія, которой побѣждалЪ всѣ сердца, которой никому не уступалЪ во вкусѣ и великолѣпіи, и которой вЪ АѳинахЪ посреди

среди сихъ нѣжныхъ пиршествъ, въ коихъ и самые ученики Платоновы не гнушались вкушать увеселеніе, посреди сихъ рѣзвыхъ и великолѣпныхъ пиршествъ и сихъ ночей, посвященныхъ забавамъ, походилъ то на Кома, то на Любовь.

Отягченъ усталостью, онъ бросается на зеленую траву, онъ видитъ равнодушно столь трогающія прелести простой природы. Ухо его слышитъ голосъ соловья, но сіи нѣжныя произношенія не касаются ни мало его сердца; глубокая печаль заградила пути, которыми душа получаетъ пріятныя побужденія слуха и зрѣнія. Таковъ же нечувствителенъ, какъ смертный, котораго взоры Медузы превратили въ кремнистую гору; его уже не видятъ больше, какъ прежде въ невѣдѣніи и въ нерѣшимости разсматривающаго, ногу ли Клои, или грудь Фринеи избрать предметомъ своихъ вздо-

ховъ. Нѣтъ, Фаній проклинаетъ теперь дурачество съ тѣхъ поръ, какъ послѣдняя монета, которую онъ имѣлъ, изчезла изъ кошелька его; новый Соломонъ: онъ почитаетъ суетою все, что есть на свѣтѣ. Да, все суета, и благосклонности красавицъ и дружба гостей. Нѣтъ Данаи для того, кто не имѣетъ власти орошать золотымъ дождемъ; нѣтъ Патрокла для того, кто изсушилъ источникъ, изъ котораго произтекалъ за столомъ его блистающій напитокъ Бахусовъ. Одна приманка привлекаетъ мухъ и друзей; гораздо сильнѣе притягиваетъ сердца золото, чѣмъ красота, разумъ и молодость. Лишь только кошелекъ сдѣлается пустъ, столъ скоро опустѣетъ; увидишь тотчасъ, что рой лакомыхъ гостей начнетъ изчезать, и разговоры Лайды дышутъ одною только добродѣтелью.

Наполненъ сими великими истиннами Фаній, зритъ человѣка въ цвѣтущихъ его лѣтахъ, погруженнаго въ пріятное забвеніе; онъ зритъ его непостояннымъ, безразсуднымъ, запальчивымъ въ страстяхъ своихъ, гонящимся за тысячью разныхъ предметовъ и почитающаго себя за божка посреди роскошныхъ садовъ своихъ. Но все сіе кажется ему единою суетою; Фаній, премудрый Фаній, подобно какъ второй Геркулесъ, становится (весьма поздно, увы! для своего благополучія) между роскошью и добродѣтелью, и размышляетъ объ огорчительномъ путешествіи жизни. Что долженъ онъ, что въ силахъ сдѣлать? Весьма сладостно дышать нѣгою въ объятіяхъ роскоши на пуховыхъ и розовыхъ перинахъ, и быть влекому къ пріятностямъ покоя едиными токмо излишествами увеселеній! Коликожъ непріятно та-

тащиться по пути, усыпанному терніемЪ! Чтобъ сдѣлали вы на его мѣстѣ? ВыборЪ весьма многимЪ покажется труденЪ; онЪ не былЪ таковЪ для Фанія. ОнЪ видитЪ роскошь, сію прекрасную обманщицу; онЪ видитЪ ее со всѣми прелестьми; онЪ чувствуетЪ ея могущество, но для него уже она не прекрасна; она вырвалась изЪ рукЪ его, чтобЪ расточать свои благосклонности новымЪ любимцамЪ. Игры и любови отлетаютЪ вЪ слѣдЪ богини; онѣ сЪ улыбкою покидаютЪ Фанія и ничего ему вЪ утѣшеніе не оставляютЪ, кромѣ огорчительнаго раскаянія. СЪ другой стороны добродѣтель и ея дочь, добрая слава, изЪ глубины храма своего дѣлаютЪ ему знакЪ, чтобы кЪ нимЪ пришелЪ, и показываютЪ ему благородной путь славы. НашЪ новый ГеркулесЪ еще разЪ смотритЪ вокругЪ себя, не возвратится ли

сверьхЪ

сверьхъ чаянія назадъ тотъ вѣтреной рой, которой его оставилъ. Онѣ бѣгутъ, увы! онѣ бѣгутъ по своей дорогѣ; онъ видитъ ихъ удаляющихся невозвратно. И вотъ уже рѣшился умножить число героевъ!

Умножитъ число героевъ!...., Тутъ онъ колеблется немного; новая неизвѣстность останoвляетъ дѣйствіе его великодушнаго предпріятія. Лестно конечно достичь по пути, покрытому лаврами, до боговъ, почитаемыхъ на земли, заслужить мѣсто между звѣздами и видѣть свое имя въ Плутарховыхъ сочиненіяхъ; прекрасно вырваться изъ рукъ подлаго покоя, подвергаться опасностямъ, никогда не обращаться въ бѣгъ, гоняться за благородными приключеніями, очистить свѣтъ отъ великановъ, его раззоряющихъ, обагря землю кровію

ихъ; прекрасно, да еще и сладостно (какъ говоритъ по крайней мѣрѣ одинъ стихотворецъ, которой ушелъ при видѣ непріятеля.) Сладостно и славно умереть за свое отечество; но и премудрость ведетъ также въ храмъ безсмертія. Какъ же пріятно освободить душу свою отъ узъ, ее безпокоющихъ, омыть въ чистомъ источникѣ свѣта пятны, ее помрачающія! Какъ же пріятно схватить истинну въ томъ видѣ, въ коемъ она однимъ только мудрецамъ и богамъ является, то есть безъ одѣянія и покрывала! Какъ же пріятно проникнуть таинства созданія, разумѣть скрытыя пружины, которыя движутъ небесныя сферы; созидать системы на отважныхъ послѣдствіяхъ, напасть, какъ сыновья Титановы, на пребываніе существъ духовныхъ! Какая слава! Какое удовольствіе!

Щастливъ, конечно щастливъ тотъ, которой прямо свободенъ, прямо великъ, не зналъ никогда страху; которой при первомъ звукѣ трубномъ летитъ съ восторгомъ въ средину кровопролитныхъ сраженій; которой съ улыбкою смотритъ на то, что другихъ людей приводитъ въ трепетъ, и встрѣчаетъ смерть, которая его покрываетъ лаврами, какъ другой встрѣтилъ бы обожаемую любовницу, которую Именей и Любовь отдаютъ ему въ объятія; но гораздо превосходнѣе, гораздо щастливѣе еще тотъ, которой покрытъ непроницаемымъ эгидомъ Минервы; ни привидѣнія ночи, ни мечтанія суевѣрія, невозмогутъ устрашить его; онъ смотритъ безъ ужаса на сіи картины, которыя представляютъ пламя тартара, или страшные брега Стикса и Ахерона; онъ видитъ безъ содроганія огненный

хвостъ кометъ; онъ не ищетъ обмануть больше умы тщетными тонкостями, и глаза его, которые уже болѣе не помрачены густыми облаками предразсудковъ, видятъ природу всегда въ одинакомъ положенiи, всегда похожую на самое себя. Герой ли былъ тотъ Александръ, которой, свергнувъ съ себя иго роскоши, въ коей Нинiи жили безъ славы, перелеталъ изъ побѣдъ въ побѣды до самыхъ береговъ Инда, поражая въ своемъ быстромъ теченiи всѣхъ тиранновъ, встрѣчающихся на пути его? Онъ тысячу городовъ раздавилъ пылающими колесами побѣдоносной своей колесницы; онъ истребилъ половину свѣта: какоежъ было его намѣренiе? Онъ самъ дѣлаетъ признанiе: то, чтобъ поговорили объ немъ въ шинкахъ Аѳинскихъ. Ахъ! тысячу разъ, тысячу разъ превосходнѣе всѣхъ побѣдителей тотъ, ко-

торой

торой твердое предпріялъ намѣреніе быть добродѣтельнымъ! Онъ достойнѣе заслуживаетъ титулъ героя и полубога; едва ли уступаетъ онъ и самому великому Юпитеру. Въ глазахъ его увеселенія не суть добро, огорченія не суть зло; слишкомъ великъ, дабы жаловаться; слишкомъ уменъ, чтобъ веселиться; онъ обуздалъ всѣ страсти; онъ приковалъ ихъ къ колесницѣ добродѣтели, и ведетъ ихъ торжественно за собою. Все злато Индіи не въ силахъ развратить его; доволенъ свидѣтельствомъ собственной совѣсти своей, онъ смотритъ съ презрѣніемъ на похвалы всего свѣта; и онъ лучшебъ согласился изпустить духъ въ пылающемъ волѣ Фаларійскомъ, чѣмъ пріобрѣсть діадиму въ объятіяхъ Фринеи.

Погруженъ въ сихъ великолѣпныхъ размышленіяхъ Фаній, почти

чти совсѣмъ уже рѣшился, какъ вдругъ явилася къ нему Любовь для испытанія сего новаго предпріятія, которое печаль, нужда и философія въ него вдохнули. Глаза его. . . онъ бы весьма хотѣлъ имъ не вѣрить; глаза его не могли воздержаться, чтобъ не показать ему предмета, весьма способнаго поселить въ него страхъ. Не боги ли позавидовали его славѣ, что онъ сдѣлался новымъ Ксенократомъ? Развѣ предпріятіе его останется уже безъ всякаго дѣйствія? Въ ту минуту, когда мы посвящаемъ наше сердце Минервѣ, тогда весьма не кстати приходитъ сама Венера являться нашимъ взорамъ. Нѣтъ, не сама Венера то была, но красота, которую узрѣлъ Фаній, могущая безъ страху оспоривать яблоко на томъ славномъ спорѣ, гдѣ Паллада была побѣждена. Прекрасна, когда покрывало ея одни лишь плѣ-

няющіе черные глаза являли; прекраснѣе еще того, когда она ни единой изъ своихъ прелестей не скрывала; мила, когда уста ея хранили молчаніе; восхитительна, лишь только говорить начинала. Одного разума безъ розъ, составляющихъ румянецъ щекъ ея, довольнобъ было сдѣлать ее пріятною: разумъ, всегда плѣняющій, готовый равно пущать острыя стрѣлы насмѣшки, или изливать пріятной медъ наилестнѣйшихъ ласковостей; разумъ, которой съ улыбкою язвитъ, но коего острота не оставляетъ ни малѣйшаго яду въ ранѣ. Никогда Музы и Граціи, соединясь вмѣстѣ, не составляли столь пріятнаго соединенія; никогда разумъ не выходилъ шутя изъ столь прекрасныхъ устъ; никогда любовь не игрывала на столь прелестной груди. Такова-то была красота, которую узрѣлъ вдругъ Фаній! Такова-

то была Музаріона! Другъ! есть-ли бы тебѣ посреди густаго лѣсу показалась столь прелестная красота, скажи по совѣсти, подумалъ ли бы ты. . . . . бѣжать? . . . . . Ну чтожъ? развѣ Фаній побѣжалъ? . . . . . Самъ ты подумай: онъ сдѣлалъ то, что ни отецъ Лука, ни ты, ни я никогда того не дѣлали; но что долженъ сдѣлать всякой человѣкъ, которой желаетъ избѣгнуть напасти. Онъ встаетъ съ поспѣшностію, стоитъ нѣсколько минутъ неподвижно, дабы увѣриться о томъ, что глаза ему являютъ; и лишь только познаетъ, что это Музаріона, или по крайней мѣрѣ ея подобіе, онъ бѣжитъ съ стремленіемъ оленя, котораго собаки погнали.

Ты бѣжишь, Фаній? кричитъ ему красавица съ усмѣшкою. Ты меня узнаешь, и ты бѣжишь?

Хо-

Хорошо, бѣгижъ, нечувствительный; твое равнодушіе не отвратитъ Музаріону; гордись, видя слабую Нимфу, бѣгущую за тобою въ слѣдъ. Такъ точно, какъ непорочная Ореада, которая вырвалась изъ рукъ Сатира, заставшаго ее въ банѣ; такъ точно Фаній пробирается, извиваясь по незнакомымъ тропинамъ. Красавица послѣдуетъ ему съ легкостью зефира, но безъ торопливости; ибо, говорила она сама себѣ, когда онъ прибѣжитъ къ берегу, то и по неволѣ остановится. (Фаній бѣжалъ къ сторонѣ моря.) По щастію ея, что не случилось тутъ судна; ибо нашъ мудрецъ конечно бы согласился лучше въ самой маленькой лодочкѣ отдать себя на произволъ волнамъ, и бѣжать до самыхъ береговъ Африканскихъ, чѣмъ подвергнуть себя искушенію. Вотъ теперь онъ всей лишенъ надежды! Что дѣлать?

Признаться надобно, что она поступила немного отважно. Наконецъ онъ вознамѣривается, онъ останавливается, глядитъ прямо, колеблетъ хлыстикъ, которой держитъ въ рукѣ своей; чертитъ круги на берегу, какъ будто бы хотѣлъ изчислить песчинки, покрывающія поверхность земнаго шару; словомъ сказать, онъ притворяется, что ничего не видитъ, и не обертывается, чтобъ посмотрѣть позади себя.

Удивительно! кричитъ ему Музаріона: вотъ что называется геройствомъ, да еще нѣчто и больше онаго! Нѣкогда порядокъ требовалъ, чтобъ молодая Дафна спасалась тихими шагами и Аполлонъ запыхаясь бѣжалъ за нею; но здѣсь совсѣмъ тому противное: ты бѣжишь, дабы привлечь меня къ себѣ; я тебѣ охотно уступаю сію небольшую славу.

Ты ошибаешься, отвѣтствуетъ герой съ видомъ, показывающимъ, что онъ не имѣетъ ни воли, ни власти скрыть, колико ея присутствіе ему противно. Ты ошибаешься; я только одного желалъ въ ту минуту, какъ тебя увидѣлъ, чтобъ земля вдругъ растворилась и меня бъ съ тобою разлучила. Привѣтствіе довольно холодно, отвѣчаетъ красавица; ты, какъ я вижу, думаешь отмстить мнѣ теперь; ты отступаешь по мѣрѣ, какъ я подхожу къ тебѣ. Ну, полно, не представляй свирѣпаго! Чегожъ тебѣ больше хочется? Я признаюсь, что ты справедливо сердишься. Да, я не отдавала тебѣ достойной справедливости; но властна ли я тогда была отдать тебѣ свое сердце? Теперь я тебѣ его вручаю. Колико разъ видала я тебя у ногъ своихъ, просящаго меня быть такою, какова я теперь?

Какъ! перебилъ рѣчь [illegible]аній: ты, которая принимала любовь мою съ толикою холодностью и презрѣніемъ; ты, которой злобная усмѣшка столь часто ругалась моими мученіями; ты имѣешь дерзновеніе притти сюда терзать еще меня своими шутками? Я любилъ тебя два года, и любилъ тебя, неблагодарная, съ такою нѣжностью, что и сама Венера можетъ быть никогда подобной не внушала. Твои взгляды и дыханіе устъ твоихъ казалось меня только и оживляли. Какъ я былъ глупъ! восхищенъ единымъ взглядомъ, которой для того только испытывалъ власть свою надо мною, чтобъ надежнѣе употреблять оную съ моими соперниками; я былъ обольщенъ пустыми надеждами, которыя причиною, что мое слабое сердце летѣло на встрѣчу твоему. Ты мнѣ сама подавала сію сладкую отраву, и испол-

няла то въ самомъ дѣлѣ съ моимъ соперникомъ, чѣмъ прелестная улыбка твоихъ устъ Сирениныхъ польстила моему сердцу. Какой же соперникъ? О боги! Бѣшенство тогда овладѣло моимъ сердцемъ; одна мысль приводитъ еще меня въ содроганіе. То былъ..... не краснѣй, позволь мнѣ теперь описать его: то былъ молодой, бѣлокуръ, искусно расчесанной, легокъ, какъ зефиръ; разноцвѣтенъ, какъ крылья бабочки; украшенъ, какъ весна; едва пушокъ пробивался на бородѣ его, и кистью положенной румянецъ раскрашивалъ щеки его; словомъ сказать, то была игрушка, подобная тѣмъ кукламъ, которыми забавляются маленькія дѣвочки. — Таковъ-то былъ тотъ, которому ты не устыдилась вручить свои прелести, сіи прелести, для которыхъ пастухъ Парисъ сдѣлался бы невѣрнымъ своей Еленѣ! Таковъ-то былъ прекрасной

Адонисъ той, которая бы могла быть совмѣстницею богини Цитерской. А Фаній между тѣмъ, какъ сей червякъ ползалъ по твоимъ прелестямъ, Фаній распростертъ на земли, проводилъ цѣлыя ночи въ пролитіи слезъ, которыя снѣдали живность щекъ его и орошали, неблагодарная, порогъ дверей твоихъ. Нѣтъ, нѣтъ, такія обиды никогда забыть не можно. Бѣги отсюда далѣе! Воздухъ, которымъ ты дышешь, для меня заразителенъ. Бѣги! напрасно ты трудишься; наши чувствія гораздо еще больше несогласны, чѣмъ были нѣкогда сердца наши.

Ахъ! сказала красавица: мнѣ кажется, ты очень жестоко мстишь за мученія, которыя самъ отъ себя терпѣлъ. Будь справедливъ, и отвѣчай мнѣ: въ нашей ли всегда власти располагать временемъ, когда любви воспламенять насъ должно, и чув-

ствами, кои она въ насъ внушаетъ? Часто сей побѣдоносный богъ не требуетъ и согласія нашего. Мы чувствуемъ, не вѣдая для чего, страсть, или холодность; часто нечувствительны ко вздохамъ Аполлона, плѣняемся рѣзвостью Фавна. Знаю ли я? Кто можетъ изчислить всѣ своенравія любви? О ты, которой такъ сильно жалуешься на нашъ полъ! помѣсти сердце свое на мѣсто нашего, и чтобъ оно отвѣчало за насъ. Вы даете уловлять себя въ сѣти любовныя, и что васъ прельстило, едва заслуживаетъ быть названо: платокъ, нечаянно распахнувшійся, разстегнувшійся карсетъ тотчасъ приводитъ ваше сердце въ движеніе. Часто же и этого не нужно: одна улыбка васъ уже прельстила, одинъ взглядъ васъ побѣдилъ. Временной вкусъ, своенравность, прихоть, бездѣлка, рѣшитъ почти всегда нашъ выборъ. Самая

мая красота теряетъ напослѣдокъ свои наисильнѣйшія для насъ приманчивости; мы знаемъ наше заблужденіе: иногда и безобразіе не менѣе имѣетъ прелестей для глазъ нашихъ. Это такая истинна, которая опытомъ должна была конечно научить тебя. И такъ мое заблужденіе достойно твоего прощенія. Надлежитъ ли надѣяться найти столько разсудка подъ чепчикомъ женщины, сколько въ головѣ философа съ длинною бородою? О естьли бы я тебѣ, любезный другъ, осмѣлилась еще сказать, что моя поступка меня болѣе оправдаетъ, нежели обвиняетъ! Я почитала въ тебѣ то, что весь свѣтъ почитаетъ: сердце, хорошо расположенное, разумъ пріятный. Чувствія мои были основаны на твоемъ достоинствѣ; ты былъ мнѣ другомъ, и ты больше этого ничего не требовалъ. Доволенъ союзомъ, опредѣлен-

леннымъ единственно къ соединенію душъ, ты цѣлые дни бывалъ со мною; и когда вечерняя звѣзда начинала показываться, ты меня покидалъ безъ сожалѣнія, и покидалъ меня одну, чтобъ проводить самому половину ночи у дверей Глисеріи. Все шло ужасно хорошо, какъ въ одинъ лѣтній день случай привелъ тебя въ бесѣдку, гдѣ спалъ сей другъ, котораго прелести до тѣхъ поръ столь слабое дѣлали въ тебѣ впечатлѣніе, когда онъ не спалъ. Я не знаю, что тебя могло тронуть. Надобно думать, что сонъ молодой дѣвки, которая почитаетъ себя наединѣ, и которая заснула, вышедъ изъ бани, весьма много имѣетъ прелестей въ глазахъ мущины. Наконецъ ты нашелъ во мнѣ приманчивости, которыя еще тебя не трогали, и я лишалась наиприятнѣйшаго друга. Я проснулась, не знавъ, что происходило,

и узрѣла тебя у ногѣ своихѣ сѣ нѣжностію любовника и дерзостью Фавна. Чего ты мнѣ не насказалѣ вѣ безумномѣ восторгѣ, коимѣ ты былѣ разгорячeнѣ? Чегобѣ ты не осмѣлился сдѣлать, естьлибѣ я не знала способу пресѣчь твои безумства? Ручей холодныхѣ шутокѣ утушилѣ скоро твое пламя; любовь, которая была потоплена, отлетѣла сѣ гнѣвомѣ. Я скоро порадовалась ея отъѣзду. Прежде, нежели я примѣтила, она вздыхала у ногѣ моихѣ. Я признаюсь, что вздохи никогда не имѣли власти надѣ моимѣ сердцемѣ; сіи движенія, произведенныя разгорячившимся воображеніемѣ, всегда мнѣ причиняли обмороки. Я покушалась веселостію и шуткою выгнать нечистаго духа, которой овладѣлѣ тобою; но сего рода нечистые духи шутки не разумѣютѣ. Боль умножилась. Я не хотѣла тебя мучить и перемѣнила свое правило.

ло. Но чрезъ это я подвергала свое сердце опасности: оно мнѣ стало подозрительно; ибо ничто такъ не заразительно, какъ глупость. Чувствуешь нѣчто такое неизвѣстное, и прежде, нежели соберешься къ защищенію себя, голова уже не властна надъ сердцемъ. Я подумала, что для избѣжанія опасности надлежало мнѣ разбить свои мысли. Щеголь показался мнѣ совершенно способнымъ къ произведенію сего дѣйствія. Такого роду кукла, которая шумитъ, смѣется и прыгаетъ, весьма полезна для красавицъ, которыя страшатся оковъ постоянной любви. Въ самомъ дѣлѣ хорошенькой собою шалунъ, которой прыгаетъ, рѣзвяся около насъ; которой оказываетъ свои зубы, ни о чемъ не думаетъ и безпрестанно болтаетъ; которой тѣмъ больше притворяется, чѣмъ меньше чувствуетъ; описываетъ намъ горячность

ность своего пламени, которой мы, лишь разъ махнувши опахаломъ, погашаемъ; которой, улыбаясь пріятно предъ зеркаломъ, изпускаетъ неискусно твержены вздохи: такое животное не хорошо ли сдѣлано для нашей забавы? Да и для какого же другаго употребленія опредѣлить богамъ сихъ хорошихъ машинъ? Онѣ служатъ по крайней мѣрѣ къ увеселенію взора. Онѣ безумны, это правда, но ихъ безуміе утѣшно; и когда судить о нихъ безпристрастно, то ихъ рѣзвости забавнѣе обезьяниныхъ.

Все, что ты теперь ни говоришь, перебилъ нашь нелюдимъ, доказываешъ, что нѣтъ дурнаго дѣла, изъ котораго бы разумъ не могъ вывернуться. Какъ жалко, что извиненіе хуже самой обиды! Ну, хорошо, пусть глупость моя совершенна. Перестанемъ мы се-

бя безпокоить напрасными спорами. Я тебя любилъ: прости ты мнѣ; я былъ немного безразсуденъ. Щеголь умѣлъ тебѣ понравиться, я радуюсь, я еще и восхищаюсь; ибо надлежало ли возъимѣть лишь самое вѣтренное желаніе, чтобъ быть на его мѣстѣ и находиться въ твоихъ объятіяхъ? Я клянусь властію глазъ твоихъ; я здѣсь останусь. Ты меня понимаешь; я говорю безъ лести. Наслаждайтесь вы оба утѣхою, обманывая взаимно себя ложною нѣжностію; я уже болѣе не прельщаюсь приманчивою улыбкою. Поле, изпещренное цвѣтами, дѣлаетъ болѣе впечатлѣнія въ душѣ моей, чѣмъ всѣ блестящія собранія вашего города; и ежели когда нибудь женщина пріобрѣтетъ надо мною право возвысить меня своею благосклонною улыбкою до безсмертныхъ, или заставитъ ползать, какъ гнуснаго насѣкомаго,

свирѣпостію своихъ взглядовъ; ежели когда нибудь сердце мое въ состояніи будетъ сдѣлать такую подлость: о божественная Венера! я соглашаюсь: возмути мои чувства и разсудокъ, возжги въ сердцѣ моемъ самые безразсудные пламени, и заставь меня вздыхать у ногъ. . . . . у ногъ моей кормилицы!

Эхъ! давно ли ты такъ сталъ думать, сказала Музаріона? Различіе весьма великовато между симъ новымъ видомъ и старою поступкою. Но, другъ мой! съ твоимъ позволеніемъ мало мнѣ одного опыта, чтобы повѣрить такому чуду. Какъ! ты, которой недавно почиталъ лишь тѣ дни щастливыми, кои были преисполнены любовію и утѣхами; ты, коего способное къ воспламененію сердце загоралось при видѣ всѣхъ красавицъ; ты, которой (не сты-

стыдись признаться: зло не весьма велико), когда ворота свирѣпой Музаріоны бывали для тебя заперты, ходилъ забывать свои мученія въ объятіяхъ танцовщицы; вправду! осмѣлишься ли ты пренебрегать любовь? Но можетъ быть ищешь ты щастія въ покровительствѣ другаго какого ни есть божества. Не принялъ ли ты сторону сихъ друзей веселія, которые отказываются отъ владычества страстей, чтобъ спокойнѣе вдаваться въ увеселенія? Убѣгаешь ли ты постояннаго союза, чтобъ искать въ простыхъ рѣзвостяхъ любви утѣхъ, не столь опасныхъ? Соединяешь ли ты умѣренность съ утѣхою, вкусъ съ непостоянствомъ, благосклонности бога любви съ богомъ вина? Учишься ли ты искусству быть всегда довольнымъ, искусству пользоваться безъ огорченія, когда можешь, и сносить

безъ

безъ ропшанія, когда нужда шебя принудишъ? По крайней мѣрѣ сей образъ мысли показался бы мнѣ преимущественнѣе превосходной пышносши оныхъ философовъ, кошорые пришворяюшся ненавидѣшь увеселенія. Есшьли шы шакъ мыслишь, шы хорошо дѣлаешь, живучи шихо, не забошясь о насмѣшкахъ, кошорыя производишъ швоя перемѣна въ Аѳинахъ. Не находяшъ исшиннаго увеселенія въ сихъ блесшящихъ собраніяхъ, куда люди большаго свѣша, привлекаемые скукою, собираюшся, чшобъ искашь увеселеній, кошорыя кромѣ даннаго имъ названія ничего пріяшнаго не имѣюшъ, и кошорыя всегда обманываюшъ надежду, чувсшвуемую во ожиданіи оныхъ; не находяшъ его въ сихъ многочисленныхъ собраніяхъ, гдѣ всякой силишся смѣяшься, и гдѣ прошивъ воли своей всякой зѣваешъ; гдѣ, пользуясь увеселеніемъ, кошорое

не

не нравится, вздыхаешь по тысячѣ другихъ, которыя также наскучатъ. Нѣтъ, истинное увеселеніе есть врагъ многочисленности и шуму; въ объятіяхъ токмо природы, на брегу прозрачнаго источника, подъ тѣнью густыхъ древесъ приходитъ оно само собою расточать намъ свои божественныя щедроты; тамъ-то угодно ему гоняться за нами и достигать насъ часто въ самую ту минуту, когда мы его весьма удаленнымъ отъ себя почитали. И такъ, Фаній, не это ли принудило тебя оставить городъ? На что сіе Циническое одѣяніе, на что сія всклокаченная борода? Я думаю, что мудрецъ долженъ одѣваться, какъ и прочіе люди.

Моя наружность, прекрасная насмѣшница, сходна съ моимъ щастіемъ. Какъ! не уже ли состояніе, въ которое я доведенъ, тебѣ

не извѣстно? Не уже ли ты не знаешь, что сія кровля, покрытая мохомъ, и сіе огороженное плетнемъ мѣсто, суть единыя имѣнія, оставшіяся у меня отъ кораблекрушенія моего щастія. Не льзя статься, чтобъ ты была одна, которая не знала того, что всему свѣту извѣстно. Ахъ, Музаріона! твои насмѣшки мнѣ столько же несносны, какъ и твое присутствіе. Кому ты пришла разсказывать о такой мысли, которая предоставлена однимъ любимцамъ смѣющейся фортуны? — Ты заблуждаешься, другъ мой; невольникамъ однимъ, а не благородно мыслящимъ людямъ прилично носить ливреи щастія ихъ. Въ комедіи флейты (*) возвышаются, смотря на слова піэсы; но мудрецъ никогда не приходитъ въ от-

(*) Греки имѣли въ своихъ представленіяхъ флейты, которыя поддерживали рѣчь комедіянтовъ.

отчаяніе отЪ ударовЪ жребія. КакЪ, Фаній! не уже ли цвѣты души твоей суть ничто иное, какЪ отбиваніе лучей отЪ предметовЪ, тебя окружающихЪ? Не уже ли единая превратность щастія можетЪ лишить тебя веселости и прелестей жизни? Я знаю, другЪ мой, до чего богатства, худо знаемые, довести насЪ могутЪ, когда мы имѣемЪ сердце, которое любитЪ увеселенія, которое любитЪ изливать ихЪ вокругЪ себя, и которое, кромѣ себя, никому вредить не вЪ состояніи. Но разсмотря все хорошенько, ты болѣе выигрываешь, нежели теряешь отЪ гоненій фортуны. Имѣнія, у насЪ похищаемыя безумцами, не всегда составляютЪ наше благополучіе. Истинное благополучіе, истинное богатство мудраго, и вЪ то время, когда фортуна вертитЪ непостоянное колесо свое, стоитЪ неподвижно. Что вЪ томЪ,

что Индія платитЪ великолѣпную дань тщеславію богача, когда всѣ сіи богатства ни мало не служатЪ кЪ его благополучію? Мудрой умѣетЪ наслаждаться; онЪ прямо благополученЪ. Грубыя ѣствы кажутся ему столько же вкусны на глиняныхЪ блюдахЪ, какЪ и на золотой посудѣ самой высокой работы. Покойно лежа подЪ тѣнію древесЪ, ему принадлежащихЪ, онЪ видитЪ пасущихся вокругЪ себя рѣзвыхЪ ягнятЪ своихЪ. Зефиры, которые играютЪ сЪ блестящими бабочками, приносятЪ кЪ нему свѣжій и благовонной запахЪ отЪ новыхЪ сѣнЪ. Птички, сидящія на вѣтвіяхЪ вокругЪ того мѣста, плѣняютЪ его согласіемЪ своихЪ концертовЪ. СловомЪ сказать, все, что онЪ ни видитЪ, удовлетворяетЪ его нуждамЪ и даетЪ чувствовать наиприятнѣйшія увеселенія. АхЪ! какЪ же легко забываетЪ смертный,

ный, наслаждающійся сими богатствами, что хижина его неподдерживаема мраморными столбами! Онъ весьма мало печется о томъ, что раздается ли, или нѣтъ на дворѣ его безпокойной шумъ великаго множества невольниковъ; и онъ пріятнѣе слушаетъ журчаніе шмелей, нежели обѣдаловъ вокругъ стола своего. Дверь его не осаждена толпою гнусныхъ ласкателей; никто въ немъ не ищетъ, и онъ отъ того щастливѣе. Вмѣсто мысленныхъ богатствъ онъ обладаетъ тѣмъ, что Мидасы никогда не имѣли въ своей власти; тѣмъ, что Цари тщетно ласкаются купить цѣною золота; тѣмъ, что мудрой предпочелъ бы престолу. Онъ обладаетъ, словомъ сказать, наивеличайшимъ добромъ жизни . . . . другомъ.

Какое дурачество! Музаріона другъ для того, котораго

щастіе оставило! Я тебѣ сама собою примѣръ подаю, отвѣчала Музаріона: я оставляю Аѳины, чтобъ сыскать тебя въ сей пустынѣ; и когда ты отъ меня бѣжишь, я позабываю наставленія, полученныя мною въ младенчествѣ, и гонюсь за тобою съ такою же горячностью, съ какою другія бы женщины отъ тебя убѣжать постарались. Мнѣ кажется, что женщина весьма сильно доказываетъ свою привязанность мущинѣ, когда она для него такимъ образомъ себя и свой уборъ подвергаетъ.

Было время . . . . . я носилъ еще твои оковы (тутъ Фаній испускаетъ тяжелый вздохъ); было время, въ которое ты не имѣла бы столько труда воспламенить меня; надлежало бы тогда вмѣсто того, чтобы гоняться теперь за мною, защищаться тебѣ

по обыкновенію Нимфѣ; надлежало бы бѣжать, потомъ остановиться, зацѣпясь за кусты около какой нибудь рощи, и избѣгать съ усмѣшкою моихъ поцѣлуевъ. Но кто можетъ воспретить, чтобъ лучшая часть нашихъ желаній не была разнесена противными вѣтрами? Время то уже миновалось. Теперь естьлибъ отъ меня только зависѣло, я бы ничего другаго не пожелалъ, какъ быть избавлену отъ безпокойства страстей. Меня почитаютъ нещастливымъ въ Аѳинахъ, однакожъ я вижу надъ собою, что нещастіе, какъ говорятъ, всегда къ чему нибудь пригодно. Сама глупость, сначала заведя меня въ пріятные и обманчивые обороты тысячи обвороженныхъ дорогъ, выпроводила меня наконецъ на сей путь, ведущій къ оному благополучію, коего я имѣлъ единой токмо признакъ, когда почитали ме-

ня благополучнымЪ. БлаженЪ день, сей первый день моего благополучія, вЪ которой оставилЪ я Аѳины, дабы удалиться вЪ сію пустыню! Не благосклонностями фортуны одареннаго Фанія, но бѣднаго и ссылочнаго Фанія жребій достоинЪ прямо зависти. Подобно больному, которой утѣшается, не примѣчая, что смерть готова уже поразить его, онЪ былЪ прямо гораздо бѣднѣе и гораздо нещастливѣе Ира, когда попеременно войски льстецовЪ пили изЪ позлащенныхЪ сосудовЪ настоящую кровь изЪ жилЪ его; онЪ прямо былЪ достоинЪ сожалѣнія, когда распустная жизнь его заставляла проводить цѣлыя ночи вЪ корыстолюбивыхЪ объятіяхЪ Фринеи. Что былЪ онЪ тогда? Подлой невольникЪ, согнувшійся подЪ игомЪ страстей, печальная жертва сластолюбія. КакЪ! можетЪ ли быть щастливЪ тотЪ, коего все

тѣ-

тѣло обвито злобною змїею; когда, лежа на цвѣтахъ, ему снится, что сидитъ на тронѣ? Какъ Амфиктїонъ, которому Луна посылала столь прекрасныя сновидѣнїя, чтобъ свободнѣе цѣловать его; какъ Амфиктїонъ, безпревывно прельщенный сими сладостными сновидѣнїями, думалъ вкушать пищу за столомъ боговъ и волочиться за богинями; его чувствїя были упоены симъ прїятнымъ забвенїемъ, причиненнымъ сладостнымъ вкушенїемъ всего того, что ихъ плѣнить можетъ. Онъ плавалъ, словомъ сказать, въ морѣ нѣги и сластолюбїя. Но вѣришь ли ты тому, чтобъ былъ хоть одинъ смертной, которой бы безъ стыда признался, что онъ завидуетъ участи Амфиктїона? Нѣтъ, нѣтъ: Циникъ Дїогенъ былъ гораздо щастливѣе въ своей бочкѣ. Въ нашемъ собственномъ лишь сердцѣ, и нигдѣ болѣе, находимъ мы неизсы-

хаемой источникъ настоящихъ увеселеній; онъ одинъ можетъ доставить намъ сіе постоянное щастіе, коего наружные предметы поколебать не въ силахъ. Какъ бы я былъ нещастливъ, естьлибъ, потерявъ весь свой приборъ фортуны, которой я почиталъ за щастіе, не пришла премудрость изъ средины разноцвѣтныхъ сферъ своихъ ко мнѣ на помощь; естьлибъ, простирая ко мнѣ руки свои съ высоты небесъ, не извлекла меня къ себѣ и не помѣстила бы въ сіи небесные чертоги, гдѣ любимцы ея непричастны страстямъ и предразсудкамъ, нечувствительны къ увеселенію и горести, возвышаются до блаженнаго жилища безсмертныхъ!

Таковы-то были предѣлы достохвальнаго пути, которой Фаній предпріялъ совершить. Уже про-

пространство времени изчезало вЪ глазахЪ его; уже онЪ чувствуетЪ себя изЪятымЪ отЪ грубыхЪ добычей смерти; вотЪ онЪ уже полубогомЪ, какЪ вдругЪ бездѣлка, которую едва выговорить осмѣлишься, повергаетЪ его во свѣтЪ простолюдимовЪ. Сильные побѣдители рода человѣческаго, вы, кои почитаете себя равными сЪ небесами! сердце человѣческое весьма обманчиво: познайте подобіе свое вЪ Фаніи и содрогайте! Сей мудрецЪ, которой столь мужественно вознесся до Олимпа; которой вЪ быстромЪ пареніи своемЪ достигЪ уже до такой высоты, что могЪ видѣть, какЪ Санго на своемЪ конѣ Магелонѣ пурпуровыхЪ и лазоревыхЪ козЪ, которыми вытравливаютЪ траву прекрасныхЪ луговЪ небесныхЪ, чтобЪ понять согласіе воздушныхЪ сферЪ и смѣшать, такЪ сказать, огонь, пожигающій

мозгЪ

мозгъ его, съ горящимъ пламенемъ на Олимпѣ; тотъ, которой не удостоиваетъ болѣе своихъ взглядовъ тлѣнныя вещи сего свѣта; сей гордой званой къ столу боговъ побѣжденъ единымъ взглядомъ прекрасной Музаріоны. Но сей взглядъ былъ одинъ изъ тѣхъ, какой Кепель далъ Любви, когда сей лукавый богъ, чтобъ лучше уловить сердце наше, злобно увѣдомляетъ насъ, и какъ будто бы говоритъ намъ: видите ли вы меня? Вы думаете, что я не что иное, какъ мальчикъ, наполненъ смиреніемъ и невинностью. Да, надѣйтесь на это! Видите ли вы сей колчанъ, которой у меня возлѣ боку? Повѣрьте мнѣ, бѣгите.... Но къ чему вамъ бѣгъ послужитъ? Продлить одною минутою мою побѣду. Вы имѣете сердце, сего дня ли, завтра ли, а надобно, чтобъ я былъ ему господиномъ.

Есть-

Естьли взглядъ, которой употребила Музаріона, чтобъ покорить премудраго Фанія, не говоритъ точь въ точь онаго, онъ говоритъ по крайней мѣрѣ что нибудь на это похожее. Фаній стоитъ пораженъ, удивленъ, изумленъ..... Я далъ бы что нибудь хорошенькое, чтобъ посмотрѣть тогдашній видъ его. Красавица все видитъ, притворяется, что будто ничего не видитъ, и смѣется, закрывшись епанчею. Фаній! сказала она ему напослѣдокъ: ночь приближается; я долго пробыла съ тобою, Аѳины далеко отсюда: я никого, кромѣ тебя, въ семъ уѣздѣ не знаю; и я признаюсь тебѣ, что Фавны мнѣ будутъ страшны, естьлибъ я принуждена была ночевать въ семъ лѣсу. Что дѣлать? Но мнѣ приходитъ мысль: я пойду съ тобою.

Пой-

Пойдешь со мною? отвѣчаетъ Фаній заикаясь: конечно вы мнѣ много дѣлаете чести; но мой домъ такъ малъ. — О! хотябъ онъ былъ и того меньше; въ самомъ маленькомъ домикѣ найдется всегда небольшой уголокъ для друга. — Ты во всемъ будешь имѣть недостатокъ: съ нуждою найти можно нѣсколько яицъ и немного меду. — Я ѣсть не хочу. — Ты кромѣ маленькаго пастуха никого для услугъ своихъ имѣть не будешь. — Маленькаго пастуха? Ахъ! этого еще много. Пойдемъ же, другъ мой; воздухъ начинаетъ быть холоденъ. — Прости ты мнѣ, Музаріона; но надобно тебя обо всемъ увѣдомить: мой домъ уже занятъ. — Дней съ восемь гостятъ у меня два друга, которые. . . . . — Два друга? — Да, и коихъ бесѣда, какъ мнѣ кажется, будетъ тебѣ не прилична. — То-то хорошо!

ко-

конечно философы; но у нихъ безъ сомнѣнія есть глаза. Ну такъ я, Фаній, хочу ихъ узнать. — Ты смѣешься. — Нѣтъ, сударь, такъ какъ есть; я часто видала во время своего наряду такихъ философовъ у ногъ моихъ. — Ахъ! позволь мнѣ усомниться. Клеантъ Стоикъ. . . . . . . — О Церера! а другой? — Теофронъ Пиѳагорянинъ конечно не въ состояніи сдѣлать такую слабость. — Ахъ, Фаній, Фаній! не все то золото, что блеститъ. Но положимъ, чтобъ ихъ души были столь высоки, какъ ты мнѣ кажешься увѣренъ: что нужды? мы будемъ имѣть больше удовольствія. — Но наконецъ, сударыня, насъ трое, а у меня одна только маленькая постеля, на которой съ нуждою человѣкъ лежать можетъ. — Мы всѣ учредимъ по возможности; не безпокойся: я найду себѣ небольшое мѣ-

мѣстечко. Пойдемъ, другъ мой, подай мнѣ свою руку. Но, Фаній! мнѣ кажется, ты сомнѣваешься. Ты дѣлаешь видъ, какъ будто бы вдаешься въ какую ни есть опасность. Три философа! это право много; поди, поди, я одна, и ихъ однакожъ не боюсь.

Что дѣлать Фанію? Разумной кормщикъ, которой чувствуетъ, что сопротивленіе не весьма ему полезно, отдается добровольно на произволъ вѣтрамъ. Фаній, которой такъ долго сопротивлялся своему Мантору изъ одного токмо неправильнаго стыда, клянется ей напослѣдокъ, что маленькой домикъ его казаться будетъ ему впредь столько же хорошъ, какъ и храмъ Музъ; понеже онъ будетъ имѣть щастіе принять подъ свою кровлю наипрекраснѣйшую изъ нихъ.

Не чувствительно могли примѣтить, что прелести Музаріоны не совсѣмъ еще лишились власти надъ сердцемъ Фанія. Любовь спрыгнула съ глазъ красавицы въ сердце премудраго также легко, какъ зефиръ скачетъ на острее цвѣтовъ. Скоропостижной жаръ, распространившійся по блѣднымъ щекамъ его, нѣкоторой родъ пріятнаго безпокойства, и слезы, каплющія противъ воли съ рѣсницъ его, объявляютъ прибытіе малаго божка. Онъ думаетъ дышать, а вмѣсто того испускаетъ вздохи. Красавица разговариваетъ и шутитъ; Фаній, устремя глаза на нее, кажется все слышитъ и ничего не слышитъ; онъ жметъ ея прекрасную руку; и когда одѣяніе, уступя движенію ея прелестной груди, открываетъ круглой видъ, онъ думаетъ, не предпочтительнѣе ли сіи два прекрасные полушара Пиѳагоровыхъ.

Музаріона примѣчаетъ опасность, въ которую вдается честь Стоичества; она видитъ внутреннія сраженія философа, и уже болѣе не сомнѣвается о торжествѣ своихъ прелестей; она видитъ безполезно употребляемыя усилія, чтобъ противиться власти, которую оба философа сами (любовь ей шептала на ухо) скоро возчувствуютъ изъ доброй воли, или насильно; она видитъ изчезающую мало по малу его задумчивость; она читаетъ въ глазахъ его, съ какою силою, съ какимъ краснорѣчіемъ изъясняютъ они то, въ чемъ онъ съ трудомъ самому себѣ смѣетъ признаться. Но она за нужное почла, да она и хорошо сдѣлала, утаить еще отъ него все, что она видитъ, все, что даетъ ему возчувствовать тайная симпатія ихъ душъ. Она время отъ времени бросаетъ на него только взгляды, кото-

которые онъ можетъ толковать въ свою пользу, какъ ему угодно. Желаніе дѣлаетъ дерзскимъ, но любовь дѣлаетъ робкимъ: Фаній видитъ въ глазахъ красавицы всѣ прелести, коими они блистали. Очевидный знакъ щастія, которое она ему готовила, былъ единою вещію, которую онъ не примѣчалъ.

Послѣдніе лучи солнца уже сокрылись; Фаній и красавица подходили къ дому; они всходили уже на дворъ, какъ усмотрѣли подъ липами, коими онъ былъ усаженъ, обоихъ философовъ, и застали ихъ въ положеніи, которое весьма не много дѣлаетъ чести философіи.

МУЗАРІОНА.

Пѣснь вторая.

Въ какомъ положеніи, великіе боги! Фаній засталъ обоихъ философовъ? Возможно ли тому статься, чтобъ пары пріятнаго вина принудили ихъ лежать на зеленой травѣ? — Нѣтъ. — Можетъ быть они ѣздили верьхомъ на палочкѣ. — Худо было бы не столь важно. Плутархъ хвалитъ же великаго Агезилая за то, что онъ любилъ сіе упражненіе. — Но не льзя уже подумать, чтобъ двѣ столь великія особы были въ состояніи сдѣлать что нибудь хуже. — Ихъ упражненіе не походило на шутку; ибо когда уже непремѣнно сказать должно, то сіи два мудреца держались за волосы.

Здоровой Клеантъ, только чтобъ наступить колѣномъ на грудь

грудь своего соперника, которой, лежа подЪ нимЪ, жестоко бранился за философію, хранящую почтеніе кЪ богамЪ. При видѣ хозяина дому оба философы, которымЪ помѣшали вЪ ихЪ сильныхЪ упражненіяхЪ, тотчасЪ другЪ друга покидаютЪ. Фаній, стыдясь, равно какЪ будто бы величайшій врагЪ его засталЪ вЪ такомЪ дѣлѣ, которое обыкновенно творятЪ безЪ свидѣтелей, не знаетЪ, остаться ли ему, или убѣжать должно. ОнЪ желалЪ бы только скрыть отЪ глазЪ красавицы, которую провожалЪ, сіе позорище, утѣшающее ее гораздо больше, чѣмЪ лучшая піэса Менандра, Моліера Аттическаго. Но они подошли уже очень близко, явленіе было очень явно; красавица уже слишкомЪ видѣла; онЪ не могЪ ни мало ласкаться увѣрить ее, что она ошиблась.

Между тѣмЪ оба наши рыцари встаютЪ, поправляютЪ благо-

 при-

пристойно вокругъ себя епанчи свои; и между тѣмъ, какъ Фаній съ намѣреніемъ, чтобъ дать имъ больше времени, всѣ силы употребляетъ продлить шествіе Нимфы, которую ведетъ онъ подъ руку, они стоятъ прямо и думаютъ о средствахъ избѣгнуть хитростями языка отъ стыда, которой готовъ ихъ посрамить. Но не могутъ ли силы оставить и самаго Геркулеса въ то самое время, когда онъ наиболѣе въ нихъ имѣетъ нужду? Анколфъ Петронія и Ораторъ Рима, оба герои, но совсѣмъ противнаго роду, оба сдѣлали испытаніе: сей, когда говорилъ за Милона; другой, когда находился въ объятіяхъ Цирцеи. Есть ли такой Амадисъ, у коего бы никогда въ рукахъ копье не изломилось? И такъ тщетно Клеантъ и Теофронъ вымышляютъ средства вывернуться изъ столь дурнаго обстоятельства; и конечнобъ они

жалкую изъ себя составили фигуру, когдабъ великодушная Музаріона ихъ не предупредила. Сіи господа, сказала она имъ пріятнымъ и насмѣшливымъ голосомъ, безъ сомнѣнія упражняются по правиламъ премудраго сына Софроника. Вы безъ сомнѣнія дѣлаете честь Гимнастикѣ. Вы правы; сіе увеселеніе совершенно достойно вашего полу; жалко, что нѣга нашихъ нравовъ вывела мало по малу изъ моды у женщинъ. Видѣть можно, что красавица покрывала видомъ благопристойности бѣшенство сего сраженія. Правду сказать, она имѣла свои намѣренія. Коликое же удовольствіе произвели слова сіи въ Фаніѣ! Но Стоикъ Клеантъ, слишкомъ разгоряченъ, слишкомъ пристрастенъ, дабы возчувствовать, что отъ него лишь только зависѣло принять сіе привѣтствіе въ правду, поступилъ такимъ образомъ, что принудилъ

еще больше покраснѣть ученика своего. Минута, въ которую Музаріона его застала, взгляды сей красавицы, сладкія и плутовскія насмѣшливыя слова ея, а что всего еще хуже, сіяющій лучь кроткой величественности сея царицы любви, которой, казалось, проливалъ вокругъ ея роскошной воздухъ прелестей и утѣхъ, къ которымъ они не привыкли; всѣ сіи вещи разомъ напали на удивленныя чувствія философа, и произвели въ немъ движеніе, весьма опасное для чести безпристрастія. Онъ ворчитъ сквозь зубы кой какое извиненіе, зажимаетъ въ кулакъ нѣсколько разъ свою бороду, завертывается часъ отчасу уже въ свою епанчу, и въ тоже время оказываетъ то, что никто знать не хочетъ . . . . . настоящую причину сраженія. Споръ, по мнѣнію его, происходилъ о истиннѣ, ясной какъ день, и что онъ

силь-

сильно и очевидно доказать въ состоянiи, что одинъ только оселъ, струсъ, гусь, которой можетъ. . . . . Тутъ лице его воспламеняется, грудь и легкiя его раздуваются; онъ кричитъ . . . . мнѣ жалокъ только, увы! бѣдной Фанiй. Ты красенъ, какъ огонь, то блѣденъ, какъ смерть, онъ стоитъ къ сторонѣ, и желалъ, чтобъ земля разверзшись подъ ногами, поглотила бы его вдругъ. Красавица, примѣтя его смущенiе, выводитъ тотчасъ изъ сего несноснаго состоянiя однимъ взглядомъ, наполненнымъ любви и прiятности, коего тайныя прелести усмиряютъ разомъ бѣшенство Клеантово и изцѣляютъ убитыя мѣста Теофроновы. Естьли вамъ угодно, сказала она имъ потомъ, мы оставимъ на закуску матерiю вашего спора. Самой умѣренной столъ съ такимъ разговоромъ покажется мнѣ гораздо предпочтитель-

тельнѣе того, у котораго Ганимедъ наливаетъ нектаръ. Какъ я довольна, что заблудилась въ лѣсу! ибо мнѣ сіе доставляетъ щастіе наслаждаться столь великимъ увеселеніемъ. Щастливъ Фаній, что умѣлъ выбрать друзей, на которыхъ стоитъ только посмотрѣть, чтобъ сдѣлаться умнѣе! Теперь я не удивляюсь больше, что онъ смотритъ съ презрительною улыбкою на насмѣшки, которыя на его щетъ дѣлаютъ, и что предавшись вовсе своему благополучію, онъ насъ забываетъ, насъ, Аѳины и весь свѣтъ.

Подобно какъ увядшая роза, которая глотаетъ жадно вечернюю росу съ устъ зефировыхъ: такъ наши два философа пожираютъ глазами и ушами слова прекрасной Музы. Ихъ видятъ съ удовольствіемъ гордящихся собственными

ми своими достоинствами, не для того, чтобъ посторонняя похвала прибавила что нибудь къ тому мнѣнію, которое уже они о себѣ имѣли, но для того, что мы всегда съ удовольствіемъ слышимъ отъ другихъ похвалы, которыя уже тщеславіе наше внутренно намъ посвятило. Въ самомъ дѣлѣ философъ таковъ же, какъ и мы; хотябъ онъ былъ нечувствителенъ, какъ камень; хотябъ не было ни одного предмета въ природѣ, которой бы имѣлъ щастіе ему нравиться; однакожъ всегда онъ будетъ доволенъ своею особою; и естьли кто воскуритъ предъ нимъ ладонъ ласкательныхъ похвалъ, тотъ можетъ надѣяться на его благодарность. Такимъ-то образомъ красавица вкрадывалась по маленьку въ милость двухъ философовъ. Ея прекрасные глаза нашли помилованіе у самаго строгаго

гаго Стоика, и ей простили то, что она имѣла столько прелестей.

Небольшая горница, которая не весьма выгодныя подавала мысли о могуществѣ хозяина дому, помѣщаетъ всю бесѣду. Молодой нечесаной пастухъ является и пріуготовляется накрывать столъ; онъ уходитъ и приходитъ съ поспѣшностью, и послѣ многихъ трудовъ и безпокойствъ напослѣдокъ столъ изготовилъ. Курица, которая довольно долго наслаждалась пріятностями жизни и которая не была удушена въ Кипрскомъ винѣ по обычаю, выдуманному Катіемъ, была лучшимъ на столѣ блюдомъ.

Я оставляю думать читателю, была ли при такомъ обѣдѣ довольна философія добродушнаго Фанія, сидя съ глазу на глазъ съ прекрасною Нимфою. Небольшей оста-

остатокъ ложной стыдливости, отъ которой онъ не совсѣмъ еще освободился, казалось сначала его гораздо унижалъ передъ тою, которая видѣла въ самомъ блестящемъ состоянiи прошедшаго его щастiя. Но разумъ Музарiоны, ея живность, которая изливала прелести Грацiй на всѣ ея движенiя и разговоры; время отъ времени нѣжной взглядъ, бросанной на него какъ будто бы въ задумчивости, и которой она потомъ отводила въ сторону, разогнали скоро тучи, помрачающiя чело его. Сердце его часъ отчасу слабѣе противится прiятной склонности, его влекущей; а онъ еще и не примѣчалъ, что все уже изъявляло въ немъ тайное торжество любви.

Какъ ни явно было торжество сiе, однакожъ оба философа ни мало не примѣтили. Сильной

свѣтъ

свѣтъ часто затмѣваетъ сихъ господъ, и очень великое множество деревьевъ иногда мѣшаетъ имъ видѣть лѣсъ. Но сіи однакожъ достойны извиненія; ибо въ то время, когда Фаній изъ обоихъ прекрасныхъ глазъ почерпалъ сладкое забвеніе всѣхъ важныхъ правилъ, о которыхъ строгой его учитель ему съ такимъ тщеславіемъ хвасталъ, Музаріона, думая почерпнуть много пользы изъ Академическаго спору, уже обоихъ рыцарей стравила. Уже Клеантъ доказалъ, что одинъ мудрецъ столь же великъ, столь же щастливъ, какъ богъ; что онъ всегда воленъ, всегда независимъ, богатъ какъ Крезъ, прекрасенъ какъ Адонидъ, и что лежа на гнусной кучѣ соломы, онъ въ десять разъ больше заслуживаетъ достоинство Царя, нежели Донъ Эспландіанъ на бриліантовомъ престолѣ. Это бы куда не шло; но онъ прибавилъ,

что добродѣтель есть прямое добро, и что все прочее льстящее нашимъ чувствамъ недостойно быть предметомъ нашихъ желаній. Напослѣдокъ онъ осмѣлился; (толико бѣшенство, съ которымъ онъ защищалъ свою систему, было велико!) онъ осмѣлился утверждать дерзско и не краснѣя, что естьли бы сама роскошь, пріявъ на себя тѣлесной видъ, предстала предъ глаза его въ видѣ Киприды со всѣми прелестьми, коими богиня сія блеснула въ глаза сыну Мирры, когда онъ узрѣлъ ее при мѣсячномъ свѣтѣ; и что естьлибъ сія новая Венера пришла къ нему на солому предложить ему наисладчайшія благосклонности свои, онъ бы имѣлъ столько духу, чтобъ оттолкнуть ее отъ себя съ презрѣніемъ. Это ужъ не походило на шутку. Для того-то Теофронъ и не въ силахъ былъ долѣе сопротивляться желанію его оспорить.

Пред-

Представьте вы себѣ человѣка съ густою черною бородою, съ глазкомъ, наполненнымъ огня, поющаго изрядно, играющаго довольно хорошо на лирѣ, прибавя къ сему безумство совсѣмъ другаго роду, нежели Клеантово, но столько же полновѣсно: и вы будете имѣть понятіе о Теофронѣ. Это уже слишкомъ много, сказалъ онъ, перебивъ Клеанта; сіе заводитъ уже насъ по меньшей мѣрѣ въ заблужденіе, не для того, чтобъ я хотѣлъ теперь принять роскошь въ тѣлесномъ смыслѣ: ибо въ такомъ случаѣ она безъ противорѣчія ничто иное, какъ маловажность, обманъ, проходящій грубый садъ; дѣтская игрушка, сдѣланная для забавы однѣхъ токмо слабыхъ и боязливыхъ сихъ душъ, которыя, погрязнувъ въ нечистой лужѣ тѣла, не имѣютъ бодрости великодушно направить свой полетъ. Но должно ли намъ

ли-

лишать себя того пріятнаго плода, изъ котораго дѣлается нектаръ, для того только, что гнусное насѣкомое ползало по нѣжной и румяной его кожѣ. Да воспользуемся, не употребляя во зло! Сіе опредѣленіе часто повторяемо, но рѣдко въ самомъ дѣлѣ исполняемо. Не изъ того ли же соку розъ червякъ составляетъ свой вредной ядъ и пчела свой сладкой медъ?

Восхищенъ, какъ Коривантъ, и устремя глаза на Музаріону, тутъ Теофронъ стихотворческимъ голосомъ начинаетъ важно прославлять существительную и первоначальную красоту. Онъ говоритъ: какимъ образомъ всѣ предметы, кои мы видимъ, и которые посредствомъ чувствъ дѣлаютъ впечатлѣніе въ душѣ нашей, суть ничто иное, какъ сходственныя тѣни изображеній красоты мысленной и божественной, которыя

не болѣе имѣютъ точности, какъ подобіе облаковъ, видимыхъ нами въ чистой и тихой водѣ, когда она отражаетъ лучи легчайшихъ облаковъ, проходящихъ надъ ея поверьхностью. Потомъ, часъ отъ часу болѣе восхищаясь, онъ восходитъ до таинственныхъ сношеній числъ, до согласія небесныхъ сферъ, до невидимаго свѣта и наконецъ до источника свѣта. Виргиліевъ Силенъ, когда два пастуха, заставъ его соннаго, принудили запѣть, не пѣлъ имъ столь высокимъ голосомъ о величественномъ мірѣ, выходящемъ изъ мрачнаго хаоса, ни о приключеніи Девкаліона, ни о блаженствѣ золотаго вѣка. Теофронъ говоритъ потомъ о уничтоженіи страстей; онъ говоритъ, какимъ образомъ душа тайнымъ и чудеснымъ очищеніемъ освобождается мало по малу отъ тѣла; какъ, избѣгая объятій

дѣвъ земныхъ и не употребляя боговъ, дѣлается достойною сообщества боговъ и другихъ существъ духовныхъ, пока напослѣдокъ, подобно червяку, которой поднимается на воздухъ посредствомъ крыльевъ, кои ему новое превращенiе даровало, она совершенно отдѣляется отъ остатковъ вещественныхъ тѣла, чтобъ летѣть къ богамъ и раздѣлить съ ними увеселенiя Олимпа.

Высокой голосъ нашего ученаго забавлялъ чрезмѣрно лукавую Музарiону: она дѣлаетъ видъ, что будто бы удовольствiе и удивленiе слышать столь прекрасныя вещи, побуждая ея дыханiе, принуждали прекрасную грудь сильнѣе поднимать одѣянiе, ее закрывающее. Къ нещастiю мудреца, которой разсказывалъ столь великiя чудеса, сiе движенiе причинило, такъ что она и не примѣтила, не

знаю, какое-то отверстіе, которое остановило вдругъ его въ самомъ быстромъ пареніи. Прямо устремленные взгляды философа дали напослѣдокъ знать красавицѣ причину его разстройки. Она съ торопливостью старается исправить зло, но вмѣсто того, чтобъ успѣть, она столь неискусна, а можетъ быть столь лукава, что больше его умножаетъ.

Приключеніе сіе само по себѣ ничто иное, какъ бездѣлка, но послѣдствіе покажетъ можетъ быть, что оно было рѣшительно. Вдругъ сдѣлалась глубокая тишина, во время которой Клеантъ позабываетъ и рюмку, полную вина, которая передъ нимъ стояла, и что всего удивительнѣе, такъ то, что онъ въ то же время теряетъ совсѣмъ охоту спорить. Между тѣмъ ученикъ Пиѳагоровъ теряется въ синусахъ

сахъ и тангенсахъ, глазъ его съ жадностью измѣряетъ прелестныя окружности нѣкоторыхъ сферъ, которыя весьма моглибъ привесть въ замѣшательсство и самыхъ величайшихъ геометровъ; но онъ не думаетъ предостеречься отъ любви, которая, спрятавшись подъ тѣнью сихъ прекрасныхъ сферъ, украдкою за нимъ примѣчаетъ и уже накладываетъ на свой лукъ наиострѣйшую стрѣлу свою.

Красавица съ насмѣшливою улыбкою смотритъ на обоихъ мудрецовъ, которые выставили напоказъ столько огромныхъ словъ и ложныхъ добродѣтелей; потомъ примѣтнымъ для нихъ образомъ она умѣла вдругъ скрыть отъ ихъ страстныхъ взоровъ прелести, которыя рука самихъ Грацій не могла округлить способнѣе къ прельщенію философовъ.

въ минуту все было такимъ образомъ исправлено.

Право, сказала тогда Музаріона, не возможно ничего лучше услышать того, что сказалъ Теофронъ о невидимомъ свѣтѣ, о числахъ одинъ и два, о согласіяхъ сферъ, о уничтоженіи страстей и о душахъ, которыя возносятся даже до сообщенія съ божествомъ. Какъ жалко, что нѣтъ ни одного изъ сихъ удовольствій, которое бы намъ было столько извѣстно, чтобъ могло возбудить наши желанія! Но мнѣ кажется, что Теофронъ не подумалъ описать намъ путь, ведущій къ сему высочайшему благополучію.

Пиѳагорянинъ, разгоряченъ еще огнями, зажженными въ немъ тайными прелестями, которыя спряшали отъ его взоровъ, и наполненъ

ненЪ соблазнительными изображеніями роскоши, начинаетЪ описывать дорогу, которая ведетЪ кЪ сему блаженству; но вмѣсто того, чтобЪ представить ее узкою, крутою, колкою, какЪ изобразилЪ ПродикЪ, онЪ намЪ описываетЪ ее столь веселою, столь пріятною, столь прелестною, какЪ цвѣтущія поля Амафонта, гдѣ царствуютЪ безпрестанно сладкія утѣхи. СибаритЪ, которому бы довелось выбирать между сими прекрасными полями и цвѣтущимЪ путемЪ, описаннымЪ ТеофрономЪ, безЪ остановки рѣшилсябЪ избрать сей послѣдній. Духи и тѣла, ведомыя симЪ прелестнымЪ путемЪ, соединяются и смѣшиваются посредствомЪ невидимаго свѣта, чтобЪ составить потомЪ однихЪ токмо СильфовЪ восхитительной красоты. Любовь, не та любовь лукавая, которую написалЪ Кепель, но

другая любовь, вокругъ которой порхаютъ мысли, какъ Граціи овкругъ Гнидовой; любовь, которая имѣетъ глаза отъ ногъ до головы, и которая питается лишь тѣмъ, что видитъ, сопровождаетъ души въ сіи прелестные пути, возноситъ ихъ до облаковъ, и вымывши и очистивъ ихъ въ небольшей бани огненной, уноситъ ихъ напослѣдокъ черезъ поля, усыпанныя звѣздами, въ самое нѣдро высочайшей красоты.

Но прежде, нежели душа столько облегчится, чтобъ подняться до сей высокой любви, Теофронъ покаряетъ ее власти сихъ скотскихъ страстей, которыя принуждаютъ ее валяться въ нечистой лужѣ тѣла. Здѣсь-то, прибавляетъ онъ, ложной свѣтъ соблазнилъ нашихъ мнимыхъ философовъ. Добрые люди, которые намъ столько прославляли ихъ нечув-

чувствительность, какъ тайну, могущую, такъ сказать, вознести насъ выше боговъ! По ихъ мнѣнію мудрецъ долженъ воздержаться отъ всѣхъ предметовъ, ласкающихъ наши глаза и наши уши; увеселенія суть бездѣлки, недостойныя занимать его; всегда съ собою онъ измѣряетъ пространство своего щастія числомъ вещей, безъ коихъ онъ обойтися можетъ; онъ отрекается отъ всѣхъ чувствій, чтобъ избѣжать тѣхъ, которыя болѣзненны, и. . . . . онъ совершенно ошибается. Хорошее одно можетъ быть предметомъ нашей любви, величайшее искусство состоитъ только въ знаніи отдѣлить его отъ вещества. Мудрецъ чувствуетъ, сіе-то ему общее съ прочими смертными; сіи ослѣплены тѣлесными красотами, валяются въ лужѣ страстей плотскихъ; но мы привыкаемъ смотрѣть въ

 сихъ

сихъ предметахъ одно только преломленіе лучей подлинной красоты. Вотъ что истинный философъ зритъ во всѣхъ красотахъ! Таковы суть въ глазахъ его сіяющіе лучи солнца, таковы суть румяные цвѣты розы! Невольникъ страстей остановленъ грудью алебастровою, или румяными щеками, какъ птица обманчивымъ клеемъ птичьимъ; но мудрецъ зритъ и любитъ во всѣхъ красотахъ природы одни только слѣды и воображенія красоты непоколебимой. Душа очищается въ сихъ безплотныхъ лучахъ, которые, произтекая изъ источника начальнаго свѣта, изображаютъ намъ природу на краю ея ничтожества, и даютъ ей такія краски, которыя не только что походятъ на правду, но напротивъ даютъ весьма слабыя сходствія; она укрѣпляется, открывается, возвышается всегда часъ отчасу болѣе,

болѣе, и пьетъ потихоньку изъ источниковъ наичистѣйшей роскоши. Ничто смертное не можетъ ее удовольствовать; самыя увеселенія боговъ не могутъ утолить жажду, которая лишь у единаго источника насыщается. Вотъ, друзья мои, вотъ какъ люди, лишенные сего высочайшаго очищенія, подобны мухамъ, которыя находятъ смерть въ обманчивомъ прельщеніи, погубляютъ себя пріятнымъ увеселеніемъ сихъ самыхъ предметовъ, посредствомъ коихъ истинные мудрецы возносятся выше земныхъ вещей!

Самая музыка, хотя она столь и жестока и недостаточна въ семъ подлунномъ свѣтѣ (ибо, чтобъ совершенно познать божественныя прелести, надлежитъ, какъ Сципіону, слышать по крайней мѣрѣ хоть во снѣ согласіе небесныхъ сферъ), служитъ

так-

также къ укрощенію скотскихъ страстей: она очищаетъ чувство, даетъ болѣе пространства душевнымъ крыльямъ, успокоиваетъ боль, изцѣляетъ природное уныніе, и когда она происходитъ изъ прекраснаго рта, то дѣйствія ея несравненно чудеснѣе наилучшайшихъ лѣкарствъ. Теофронъ продолжаетъ все тѣмъ же голосомъ и говоритъ о всѣхъ сихъ вещахъ, какъ будто бы онъ былъ знающъ въ наипотаенныхъ тайностяхъ музыки; ничто, по мнѣнію его, такъ неспособно очищать души, какъ Diapente и Diatessaron.

Клеантъ, которой противъ обыкновенія своего гораздо крѣпился долѣе, теряетъ напослѣдокъ терпѣніе: онъ хочетъ наконецъ пресѣчь болтаніе своего сопротивника; ибо по мнѣнію его всѣ сіи словопрѣнія суть ничто иное, какъ сущія глупости. Уже онъ всталъ

съ

съ своего стула, уже рука его показалась изъ подъ епанчи его и морщины лба его возвѣщаютъ его гордость и презрѣніе, которое онъ имѣетъ къ своему сопротивнику; онъ еще не сказалъ ни слова, а почитаетъ уже себя побѣдителемъ на мѣстѣ сраженія. Но нечаянное явленіе, котораго оба мудрецы никакъ не ожидали, прерываетъ вдругъ ихъ ученой разговоръ.

Отворяется дверь, и видятъ входящую Нимфу съ корзиною на головѣ; грудь ея до половины открыта по обычаю Ореадъ, и столь покойно одѣта, что каждой шагъ ея открывалъ новыя прелести. Рюбинъ, которой писалъ столь прекрасныхъ Нимфъ, не могъ никогда дать лучшій видъ Помонѣ, или Флорѣ. Словомъ сказать, она была такова, что нашъ почитатель невидимаго свѣта не

могъ

могъ устоять противъ перваго взгляду ея. Пріятныя сходствія, коихъ лучи его пронзили, мѣшаютъ чувствовать благовоніе, происходящее изъ корзины; но ротъ и носъ Клеантовъ не упускаетъ ни малѣйшей частицы. Музаріона, которая желаетъ уже приготовить развязку, дѣлаетъ знакъ своему другу хранить Пиѳагорическое безмолвіе. Между тѣмъ прекрасная невольница опорожниваетъ корзину. Столъ скоро является покрытъ плодами и заѣдками, и обремененъ шестью большими кружками, наполненными наипрекраснѣйшимъ виномъ, могущимъ насытить жажду наиболѣе томящагося изъ всѣхъ Фавновъ.

Господа сіи, сказала тогда красавица, попеременно меня увѣрили своими краснорѣчивыми разговорами; естьли я жадно желала щастія безпристрастности, мнѣ

так-

также кажется, что утѣхи духовныя, коихъ Теофронъ сдѣлалъ намъ описаніе, не менѣе достойны зависти. Позвольте мнѣ отложить до другаго дня, чтобъ я могла рѣшиться. Посвятимъ Музамъ и забавамъ остатокъ ночи, въ которую я столь много прекраснымъ вещамъ научилась. Ну, Фаній, возьми ты эту рюмку и опорожни ее въ честь божественной и благосклонной Венеры; а ты, Теофронъ, услади слухъ нашъ соединеніемъ своего голоса съ струнами лиры.

Благодаря стараніямъ прекрасной Ореады, которая отправляла должность Гебеи, воздержной обѣдъ философской нечувствительно превращается въ небольшой Оргійской праздникъ. Нашъ бородастой Аполлонъ однакожъ брянчитъ на своей лирѣ въ честь невидимаго свѣта; но безпрестанно устремленные

взоры на грудь Клои доказывают, колико чувствія его различны съ тѣмъ, что онъ поетъ; и видно было, что сердце его изобличало въ томъ, что скрыть старался. Лукавая невольница безпрестанно часъ отчасу болѣе его воспламеняетъ своими хитростями и ложнымъ усердіемъ. Безпрестанно вокругъ его она находитъ случай оказать ему тысячу маленькихъ услугъ, что производитъ разныя соблазнительныя положенія, способныя часъ отчасу болѣе придавать блеску ея прелестямъ въ глазахъ его, которые уже и безъ того жестоко возмушили всѣ его чувства. Большой вѣнокъ изъ цвѣтовъ, коимъ она украшаетъ голову философа, къ томужъ нѣжный и пріятный взоръ, которой изображалъ страсть на лицѣ ея, довершаетъ дѣлать его столь смѣшнымъ, что не возможно было смотрѣть на него ни минуты безъ смѣху. О

О Фаній! съ какимъ же прискорбіемъ видишь ты наилучшую изъ всѣхъ ночей проходящею въ подобныхъ дурачествахъ, не могши самому воспользоваться! Онъ зѣваетъ, глядя на своего друга лукавымъ видомъ; онъ дѣлаетъ ей знаки, онъ вздыхаетъ, но все тщетно: она слѣдуетъ своему расположенію, и можетъ быть она ни мало и не думаетъ сдѣлать его сходственнымъ съ расположеніемъ бѣднаго Фанія.

Она съ удовольствіемъ видитъ, что хитрости лукавой Клои ведутъ слабаго Пиѳагорянина часъ отчасу ближе къ цѣли, къ которой онѣ между собою привести согласились. *Уже* философъ своими страстными взорами требуетъ съ толикимъ жаромъ быть заплачену нѣжнымъ отвѣтомъ; онъ отвѣчаетъ взглядамъ прекрасной невольницы такими смѣшны-

ми и глупыми восхищеніями, что кисть самаго Гожардо съ нуждою моглабъ произвесть столь смѣшную фигуру. Почто, прекрасная прелестница, являешь ты столь сильную приманчивость своей волшебной улыбки тому, которой вздыхаетъ о столѣ боговъ? Почто лить масло на огонь, которой его пожираетъ? Онъ и безъ того уже слишкомъ горячь. Ахъ! возми лучше свое опахало и прохлади жаръ устъ и щекъ его. Толико свирѣпости возможетъ ли войти въ невинную душу молодой дѣвицы? Думаешь ли ты, что философъ не изъ такой же плоти и костей составленъ, какъ и прочіе люди? Но безъ сомнѣнія Клоя знаетъ, что дѣлаетъ, и она не такъ смотритъ, чтобъ хотѣла его такимъ образомъ мучить, не взявъ съ него за труды свои.

Возгордясь хладнокровіемъ, которое сохранилъ Стоикъ Клеантъ,

доказываетъ между тѣмъ, осушая часто свою рюмку, что боль не есть зло; что увеселеніе не есть добро. Ученикъ его въ отчаяніи слушаетъ его сквозь сна, и проговорилъ напослѣдокъ нѣсколько словъ ему вопреки, которыя извлекаетъ изъ него досада и скука. Тотчасъ жестокой нравъ философа еще больше разгорячается; въ жару своей ревности онъ чаще наливаетъ себѣ пить, онъ почитаетъ вино за воду, которое глотаетъ, и доказываетъ, что Аристиппъ и всѣ ему подобные достойны жить въ конюшняхъ Цирцеи. Ревность его къ основаніямъ перехода, разгоряченная противорѣчіемъ Фанія, и каждая рюмка вина, которую онъ глотаетъ, принудили уже его осушить тѣ шесть большихъ кружекъ, которыя прекрасная невольница принесла. Какъ теченія планетъ, чѣмъ божественный Пиѳагорянинъ оканчивалъ свой высоко-

парной разговоръ, забавляющій Музаріону, совершаетъ его воспламененіе: тогда уже онъ не щадитъ ничего; Египтяне и Халдеи чувствуютъ его злобу, какъ самъ онъ чувствуетъ власть бога вина; и прежде, нежели Пиѳагорянинъ воспѣлъ возвращеніе божіе изъ свѣту, побѣжденный его сопротивникъ шатается, падаетъ и лежитъ на полу.

Такимъ-то образомъ кончилось третіе дѣйствіе комедіи. Каждой старается проводить остатокъ ночи въ покоѣ. Клеантъ, лежа такимъ образомъ, весьма походилъ на Силена Виргиліева, съ тою только разницею, что часто повторяемые щелчки Клои и ужасное хохотанье, которое около его происходило, не могло никакъ разбудить. Его поднимаютъ, несутъ его за ноги и за голову, обѣ красавицы про-

вожаютъ, прыгая вокругъ его; и сіе Бахусово торжество подходитъ такимъ образомъ къ конюшнѣ: тамъ кладутъ тѣло Стоика, потомъ со смѣхомъ пожелали себя добраго вечера.

МУЗАРІОНА.

Пѣснь третія.

Музаріона лежала на постелѣ, ни мало не подозрѣвая Фанія. День былъ еще далекъ; тонкой облакъ умѣрялъ свѣтъ луны, и все было тихо, какъ вдругъ послышалось ей, что кто-то потихоньку крадется къ дверямъ ея горницы. Она прилѣжно вслушивается. Что бы это такое быть могло? По сей таинственной походкѣ подумать можно, что духъ. Ахъ! сказала она: естьлибъ это былъ духъ, я попросила бы его оставить меня въ по-

коѣ. Между тѣмъ дверь отворяется, и прежде, нежели красавица угадала, что это такое, Фаній является глазамъ ея. Прости, Музаріона, говоритъ заикаясь робкой другъ, прости, что я пришелъ къ тебѣ не въ уреченной часъ. Но...... къ чему такое предисловіе, прерываетъ красавица? Обижалась ли я когда нибудь подобными бездѣлками? Посѣщеніе друга и не въ уреченный часъ дѣлаетъ всегда удовольствіе: онъ всегда имѣетъ что нибудь пріятное намъ сказать. По виду, которой ты на себя берешь, сказалъ Фаній, я вижу, колико мнимая твоя благосклонность удалена отъ того, чтобъ сжалиться надъ моимъ нѣжнымъ мученіемъ. Ты зришь глубину моего сердца и можешь съ улыбкою огорчать меня? Ты видишь, что одна минута мнѣ кажется вѣкомъ, и ты находишь

не знаю какое - то варварское удовольствіе видѣть меня терзаемаго? Ты, жестокая, ты причиною моего отчаянія, и ты можешь называть меня своимъ другомъ? Какъ же ты жестоко отмщаешь! Я, сказала Музаріона, я отмщаю? Ты бредишь, Фаній; было время, когда ты чувствовалъ ко мнѣ любовь, и сей любви наслѣдовало равнодушіе: которое же изъ сихъ двухъ чувствій моглобъ огорчить меня? Ахъ, сударь! увѣряю васъ, что я съ удовольствіемъ видѣла ихъ обоихъ раждающихся. Лестно всегда бываетъ для женщины видѣть премудрость мущины, уничижающуюся у ногъ своихъ; но какъ я была искренній твой другъ, то я лучше желала тебя видѣть равнодушнымъ, чѣмъ смѣшнымъ.

Музаріона! какъ ты утѣшаешься моимъ мученіемъ! Почто

 уже

уже лучше не вонзишь кинжалъ въ сіе сердце, которое ты отрекаешься сдѣлать щастливымъ? — Ахъ, другъ мой! не принимай на себя трагическаго виду. Ну, поди сядь возлѣ меня покойно, и скажи мнѣ откровенно, что мнѣ надлежитъ сдѣлать, чтобъ учинить тебя щастливымъ, такъ какъ ты желаешь? — Любить меня, какъ я тебя люблю. — Ахъ! такъ меня любитъ этотъ Фаній, которой сперва съ омерзѣніемъ отгонялъ меня? — Ну, такъ не отмщаешь ли ты мнѣ за это? Ты сама знаешь, что въ сію нещастливую минуту я былъ невластенъ надъ собою: печаль и отчаяніе моимъ ртомъ говорили; я проклиналъ любовь, и никогда любовь такъ сильно меня не воспламеняла. Я былъ слишкомъ объятъ, чтобъ разумѣть, что я говорилъ; всѣ твои слова казались мнѣ колкими насмѣшками.

Могъ

Могъ ли я надѣяться, что единой предметъ, которой заставилъ меня ненавидѣть Аѳины, которой заставилъ меня убѣгать Аѳинъ; могъ ли я надѣяться, чтобъ твое сердце сдѣлалось вдругъ ко мнѣ благопріятно? Представьте всѣ сіи обстоятельства; и естьли не въ силахъ мнѣ простить, что я съ трудомъ, сказать правду, самъ себѣ прощаю, взгляни ты еще разъ на меня, и чтобъ сей взглядъ лишилъ меня жизни, которая мнѣ стала противна. Ты меня спрашиваешь, люблю ли я тебя? Ахъ! -- Клянусь тебѣ непорочною Діаною. Другъ мой! любовь у тебя дѣлаетъ такія жалкія кривлянья, и говоритъ такимъ жалобнымъ языкомъ, что мнѣ кажется не возможно никогда примѣниться къ сему слабому голосу. Изъясненіе великихъ чувствъ не болѣе меня трогаетъ, какъ и небесныя увеселенія Теофроновы. Моя стихія радость

тихая и непорочная; всѣ предметы въ глазахъ моихъ пріемлютъ пріятныя краски розъ. Я люблю тебя сею пріятною страстію, которая, подобно зефиру, касается слегка поверьхности моего сердца, и которая не токмо чтобъ возбуждать бури, не токмо чтобъ причинять мученія и печали, даетъ возчувствовать душѣ моей одни лишь пріятныя чувствія; словомъ сказать, я люблю тебя, какъ люблю Грацій, какъ я люблю Музъ. Естьли таковая любовь можетъ тебя сдѣлать щастливымъ, твое щастье съ сей же поры начнется, и кончится лишь съ моею жизнію.

Между тѣмъ, какъ красавица говоритъ такимъ образомъ, Фаній овладѣлъ съ восторгомъ одною изъ ея прекрасныхъ рукъ, и покрываетъ оную поцѣлуями. Она даетъ на нѣсколько времени

сво-

свободное теченіе его восторгамЪ благодарности; она наслаждается удовольствіемЪ, сдѣлавЪ его щастливымЪ; удовольствіе, столь сладостное для чувствительнаго сердца! и она столь слабо сопротивляется дерзскимЪ предпріятіямЪ, которыя любовь ему внушаетЪ, что онЪ дерзаетЪ наконецЪ поцѣловать ея прекрасную грудь.

Ночь, уединеніе, свѣтЪ мѣсячной, соблазнительное прельщеніе любовныхЪ восторговЪ, коликожЪ вещей соединенныхЪ для воспламененія нѣжнаго сердца прекрасной Аѳинянки! И когдабЪ она имѣла слабость, то какое бы чувствительное сердце захотѣло ей поставить это вЪ преступленіе? Но Музаріона была надежна сама на себя. ВЪ ту минуту, когда Фаній думаетЪ, какЪ и всѣ любовники, что вольности, которыя

торыя ему позволяютъ дѣлать, даютъ право требовать гораздо больше оныхъ, какъ же онъ удивился, увидя ее вырвавшеюся изъ рукъ его!

Что молодая Филиса никакъ не хочетъ согласиться; что она кричитъ тихимъ голосомъ, и когда все сіе ни къ чему не служитъ, она стращаетъ тебя съ усмѣшкою и употребляетъ столь долго, сколько можетъ, слабыя свои руки къ своему защищенію, тутъ нѣтъ ничего чрезвычайнаго. Сатиръ съ нуждоюбъ простилъ скорое согласіе Нимфы, которуюбъ онъ нечаянно поималъ. Надобно защищаться; пусть такъ; того порядокъ требуетъ: такъ точно и Фаній понималъ. Но онъ ошибался; не то было, что онъ думалъ; госпожа не шутила и не забавлялась дѣлать ему угрозы.

Послѣ неоднократнаго приступа, гдѣ нашъ герой былъ всегда отбитъ и побѣжденъ, онъ вдается напослѣдокъ печали и жалобамъ. Эхъ! кто бы не сдѣлалъ того же, что и онъ? Едва ли добродѣтель была доведена столь далеко хоть въ одной книгѣ рыцарства. Добродѣтель! нѣтъ, онъ никогда не согласится, чтобъ сія поступка происходила отъ добродѣтели. Сіе ничто иное въ глазахъ его, какъ упрямство и своенравность. Онъ называетъ красавицу жестокою, безчеловѣчною, нечувствительною. Красавица, которая намъ дѣлаетъ нѣжное признаніе, обязывается, по мнѣнію его, дать опыты своей нѣжности. А я, сударь, сказала Музаріона, я, которая обязана дать вамъ столько опытовъ, не имѣю ли я, по вашимъ же правиламъ, того же права требовать и отъ васъ? Ну что, естьлибъ твой

жаръ былъ лишь единой обманъ чувствъ, вкусъ проходящій, однодневная лихорадка? Естьли Фаній меня любитъ, то я надѣюсь, что онъ позволитъ мнѣ прежде, нежели я отдамся, взять свои предосторожности. Съ людьми, столь скораго къ воспламененію сложенія, такая предосторожность будетъ не лишняя. Прости, естьли я, думая такимъ образомъ, тебя обижаю; но ты самъ хочешь, чтобъ мы вправду другъ друга любили. До сихъ поръ я лишь забавлялась любовными стрѣлами; хорошенькой шалунъ лишь утѣшалъ меня; теперь же дѣло идетъ, чтобъ соединиться намъ такими узами, которыя бы могли составить наше благополучіе, и сдѣлать ихъ должно природѣ и добродѣтели.

Говорятъ, что добродѣтель имѣетъ прелести, противъ которыхъ

рыхъ устоять не возможно, когда она проистекаетъ изъ прекрасныхъ устъ. Я согласенъ, лишь бы не примѣчали въ тоже время подъ пріятными цвѣтами простаго щегольскаго платья ослѣпляющія прелести груди, округленной богинею молодости; груди, которая поднимается и опускается безпрестанно; словомъ сказать, груди, выточенной такъ, что и самабъ Венера позавидовала, естьлибъ богини не были превыше зависти. Нашъ герой привлеченъ двумя противными силами, находится, увы! въ семъ замѣшательномъ состояніи. Но почто же упрямится устремлять постоянно нескромные взоры на сію прекрасную грудь? Слабое впечатлѣніе должно естественно уступить сильнѣйшему, и все, что ни говоритъ ему красавица, чтобъ привести его въ себя, слегка касается ушамъ его, не достигая до души его. Онъ противо-

тивополагаетъ ея жестокостямъ все, что любовь научаетъ любовниковъ для обузданія свирѣпыхъ; онъ не упускаетъ ничего изъ сего искусства, воспѣтаго Овидіемъ, коего правила многократно служили къ смягченію красавицъ, гораздо неприступнѣе драконовъ. Самыя тончайшія хитрости, сѣти самыя непроницаемыя, все было употребляемо, и все безполезно. Покорись добровольно, сказала напослѣдокъ торжествующая красавица; ты видишь, съ какою благосклонностію терпѣла я твои нескромныя предпріятія; продолжать ихъ далѣе, позволь мнѣ сказать, значилобъ погрѣшить противъ нѣжности, и ты лишь продолжишь можетъ быть долѣе, чѣмъ бы я сама хотѣла, время, назначенное на испытаніе тебя. Но оставимъ это; поговоримъ о чемъ нибудь позабавнѣе: поговоримъ немного о нашихъ двухъ безумныхъ фило-

со-

софахъ. Я не знаю, что за мысль приходитъ мнѣ въ голову; но я бьюсь объ закладъ, что въ сію минуту.... Не воображаешь ли ты чего, Фаній? ..... Моя невольница ..... отгадай ..... и твой Пиѳагорянинъ. — Такъ чтожъ? — Примѣчаютъ согласіе сферъ. — Какая мысль, сказалъ Фаній смѣясь! Приключеніе весьмабъ было забавно! Но это легко статься можетъ. Я нѣчто и самъ примѣтилъ: мнѣ кажется я видѣлъ въ глазахъ его желанія весьма земныя, когда плутовская рука Клои клала ему вѣнокъ на голову. Ахъ, Музаріона! какъ я много тебѣ обязанъ! Какъ я былъ безразсуденъ, почитая за философовъ, за друзей боговъ такихъ людей, которые, кромѣ палки, бороды и епанчи, ничего философскаго не имѣютъ, и которые, я отъ стыда краснѣю! сдѣланы лишь только блистать между шутами, или въ

ночныхъ бакханаліяхъ Сатировъ. Ты не отдаешь себѣ справедливости, перебила Музаріона; и мнѣ кажется, что ты не отдаешь ее также и своимъ философамъ. Безъ крайности, любезный другъ, прошу тебя: вчера ты ихъ доказательно цѣнилъ дороже того, чего они стоятъ, теперь ты ихъ можетъ быть цѣнишь дешевлѣ. Что я слышу, вскричалъ Фаній? Какъ! ты берешь ихъ сторону? Ты шутишь конечно. Хотябъ ты возъимѣла столько почтенія, какъ я къ симъ гнуснымъ разскащикамъ (что мнѣ однакожъ кажется невозможнымъ): явленіе, которое произошло въ глазахъ нашихъ, излечило бы тебя, равно какъ теперь и меня, отъ сей мысли. Какъ! сей Стоикъ, которой ничего не знаетъ добраго, ничего прекраснаго, кромѣ добродѣтели, есть ничто иное, какъ старой Фавнъ, погруженный въ гнусное

жьянство; сей Теофронъ, которой воспѣваетъ щастіе духовныхъ увеселеній, не отводитъ своихъ нечистыхъ взоровъ отъ грудей Клои! Чего же больше надобно для доказательства, что они. . . . . Что они люди, перебила Музаріона, и что весьма много не достаетъ къ тому, чтобъ было столько же премудрости въ ихъ поступкахъ, сколько въ ихъ системахъ. — Такъ кажется. — Однакожъ ничто такъ не способно пріучить души къ величайшимъ добродѣтелямъ и внушить въ нихъ сію твердую и мужественную бодрость, которая дѣлаетъ, что мы презираемъ наивеличайшія злощастія, и творитъ насъ способными къ дѣламъ самымъ геройскимъ, какъ тѣ же самыя правила, для защищенія коихъ Клеантъ столь мужественно отдался всей свирѣпости бога вина. Гираклиды, герои, которые жертвовали жизньми за отече-

ство, Аристиды, Фоціоны, Леониды, всѣ сіи великіе мужи. . . . ну, чтожъ, развѣ онѣ были Стоики? — Они еще больше были, Фаній: они произвели то въ дѣйство, о чемъ Зенонъ лишь зналъ по размышленію. Какъ Геркулесъ заслужилъ себѣ олтари? Пробѣгая тотъ путь, которой Продикъ умѣлъ намъ изобразить; но никогда не имѣлъ мужества предпріять оной. Кому же должно приписать славу, какъ не природѣ, которая, прежде нежели былъ хоть одинъ переходъ, произвела и составила сего героя и всѣхъ тѣхъ, кои на него походили? Не воспитаніе, а природа составляетъ героевъ. Однакожъ Платонъ не теряетъ для онаго всѣхъ своихъ правъ надъ Фоціономъ. Искусство довершаетъ то, что природа лишь начертала. Цвѣтокъ, которой бы погибъ безъ славы на безплодной землѣ, становится отъ искусной руки

садов-

садовника украшеніемъ наилучшайшихъ садовъ. Изрядно, сказалъ Фаній; но по крайней мѣрѣ всѣ пустыя рѣчи Теофроновы о числахъ, о идеяхъ и о всѣхъ сихъ вещахъ, которыя глазъ никогда не видѣлъ, ни ухо никогда не слышало, суть неоспоримыя бредни. — Однакожъ посредствомъ сихъ мыслей Архитъ сдѣлался нѣкогда великимъ мужемъ, и природа производитъ еще время отъ времени по нѣскольку сего рода высокихъ умовъ; ибо она-то назначаетъ людей съ самаго ихъ рожденія ко мнѣніямъ Пиѳагора, какъ она назначаетъ ихъ къ геройскимъ добродѣтелямъ, какъ она назначила Анакреона къ стихотворенію, Зевксиса къ живописи, Александра къ трону. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ больше возвысить наши души, что можетъ быть способнѣе къ содержанію въ нихъ добродѣтельныхъ чувствій, какъ не высокомѣрныя мысли о цѣ-

ли нашего бытія? Міръ безпредѣльной, пространство и время безконечное; солнце, которое кажется глазамъ нашимъ лишь малою искрою другаго солнца, гораздо выше онаго безсмертная душа наша, сдѣлавшаяся подобною богамъ и достойною соучаствовать въ ихъ забавахъ....

Кленусь всѣми Граціями, сударыня, сказалъ Фаній, что вы со временемъ конечно поймете также согласіе сферъ. Не болѣе прошло минуты, какъ высокія слова Теофроновы казались намъ смѣшны. — Теофронъ самъ былъ смѣшонъ, а не правила его. Не истинна подаетъ случай къ шуткѣ, но безумство и химеры, въ коихъ разгорячившіяся воображенія имѣютъ привычку утопать. Но мы уже весьма высоко пошли: я хотѣла только доказать тебѣ, что не должно краснѣть отъ того,

го, что ты принялъ мнѣніе слишкомъ выгодное о сихъ двухъ философахъ. Въ плачевномъ состояніи, въ которое тебя рокъ ввергнулъ, ничего не было естественнѣе онаго. Подобно нѣжной почкѣ древесъ въ холодные Мартовскіе дни душа сжимается сама въ себя, лишь только солнце ея щастія изчезло. Оставлена, обнажена, лишена всего того, что она почитала за нужное для своего благополучія, удивительно ли, что она вкушаетъ ученіе, которое учитъ ее искусству пробавляться безъ всѣхъ сихъ вещей, которое доказываетъ ей, что все то, что не она; что все то, чего она лишиться можетъ, не заслуживаетъ ея сожалѣнія, и которое притомъ, чтобъ лучше облегчить печаль ея, доставляетъ ей въ недостаткѣ сихъ вещей подложное утѣшеніе, замѣняющее настоящія утѣхи. Что можетъ

быть пріятнѣе для нашего пониженнаго тщеславія, какъ система, которая пріучаетъ насъ почитать бездѣлками то, что перестало быть для насъ добромъ. Не думаешь ли ты, что другая причина побуждала Діогена въ его бочкѣ, когда довольно великъ, чтобъ презирать Царей, онъ не хотѣлъ ничего имѣть отъ Александра, кромѣ свободы пользоваться солнечнымъ свѣтомъ? Но душа въ положеніи, о коемъ мы говоримъ, должна предпочесть еще систему Платоновыхъ послѣдователей; они имѣютъ таинство замѣнять тѣ увеселенія, безъ коихъ Зенонъ учитъ лишь обойтися, и вмѣсто грубыхъ и презрительныхъ чувственныхъ роскошей они предлагаютъ намъ сладостныя ѣствы, постановляемыя при трапезѣ боговъ. Возлетѣвъ съ ними превыше земныхъ вещей, сей шаръ кажется намъ лишь не-

постижимою точкою; одинъ ударъ ихъ волшебнаго жезла раждаетъ вокругъ насъ тысячи міровъ, которые, будучи лишь въ однихъ мысляхъ, пріемлютъ по произволенію нашего воображенія наивеликолѣпнѣйшіе виды. Когда же быстрота нашихъ чувствъ остановлена, откуда мы научиться можемъ, что всѣ сіи вещи суть не привидѣнія? Сонъ, которой доставляетъ намъ божескія увеселенія, имѣетъ всегда свое достоинство.

Но, сказалъ Фаній, въ зимнюю ночь мудрецъ проснувшись (ибо неотмѣнно должно, чтобъ и самъ Афмиктіонъ когда нибудь да проснулся); мудрецъ, проснувшись и насытившись нектаромъ и амброзіею, вздыхаетъ тайно по пищѣ, твердѣйшей оной.

Тяжелой вздохъ доказываетъ, колико истинну сію ощущаетъ Фаній; и естьли красавица не примѣтила изъ глазъ его, къ чему клонился сей тяжелой вздохъ, то въ ономъ герой нашъ не виноватъ. Она даетъ ему свою прекрасную руку въ знакъ своей нѣжности; онъ прижимаетъ ее дрожа къ біющемуся своему сердцу, и примѣчаетъ изъ глазъ красавицы, чувствуетъ ли она біеніе сего сердца. Сія прекрасная рука отвѣчаетъ его восхищеніямъ, и оказываетъ ему все то, чтобъ онъ знать желалъ. Нѣмой разговоръ симпатіи, томной и покрытой слезою глазъ, сердце, жестоко бьющееся, суть вещи гораздо краснорѣчивѣе всей реторики Демосѳеновой. Пріятная томность овладѣла нѣжнымъ сердцемъ Музаріоны, и изъ благосклонности въ благосклонность любовь ведетъ ихъ нечувствительно къ той минутѣ,

нутѣ, по которой они оба столь ревностно вздыхали.

Послѣ сей пріятной ночи насталъ день еще пріятнѣе. Оба наши любовники часъ отчасу находятъ себя щастливѣе; потому что щастіе одного составляетъ всегда щастіе другаго. Фаній, наученъ нещастіемъ, познаетъ располагать разумнѣе и пользоваться пріятнѣе щастіемъ, которое столь нечаянно съ нимъ примирилось. Удаленъ равно отъ огорчительной нищеты и отъ надмѣннаго могущества; щастливъ для того, что онъ въ самомъ дѣлѣ есть, а не для того, что онъ кажется такимъ. Онъ проводитъ, не опасаясь зависти, дни, прямо достойные зависти, и вкушаетъ увеселенія, основанныя на истинномъ свойствѣ природы и невинности. Безпокойной шумъ мятежей, колеблющихъ толь часто

сто Аѳины, не доходитъ до его хижины, которая претворилась въ храмъ Грацій съ тѣхъ поръ, какъ она украсилась прелестями Музаріоны. Искусство, премудро управляемое разумомъ красавицы, даетъ природѣ во всемъ пространствѣ сего небольшаго наслѣдія сіи миролюбивыя прелести, которыя безъ шума возхищать умѣютъ. Садъ, въ которомъ Зефиръ, Помона и Флора, казалось, всѣ свои удовольствія почитаютъ; въ которомъ любовь любитъ заблуждаться и гдѣ постоянной разсудокъ играетъ вмѣстѣ съ вѣтренною веселостію; ручей, коего берега, покрытые тѣнью ильмовыхъ деревъ, привлекаетъ къ сладостному успокоенію; посреди саду изъ вѣтвій сплетенная бесѣдка, гдѣ сладкіе поцѣлуи его друга и алой сокъ винограда Таѳоса кажутся ему прямымъ нектаромъ; такой сосѣдъ, каковъ

сосѣдъ

сосѣдъ Грацій; сложеніе здоровое, воображеніе уставленное, сердце спокойное, чело, всегда веселое; коликожъ истинныхъ богатствъ! Ахъ! сказала Музаріона: не можетъ ли благость Божія прибавить еще что нибудь къ его благополучію? Нѣтъ, развѣ единую только премудрость возчувствовать всю цѣну, возчувствовать его навсегда и быть довольну, не гоняясь за другими благами. Боги даровали ему и сію премудрость. Его Манторъ не былъ Циникъ несносный, онъ не походилъ на вздорнаго Клеанта, которой при видѣ бутылки говоритъ, какъ Зенонъ, и пьетъ, какъ Силенъ. То была любовь. Былъ ли когда нибудь учитель лучше онаго? Того ради Фаній выучился скоро, легко и съ удовольствіемъ правиламъ прекрасной философіи. Онъ познаъ, что долженъ пользоваться и быть до-

вольну благими, данными намъ природою и жребiемъ, и добровольно обходиться безъ тѣхъ, коихъ они насъ лишаютъ. Онъ сталъ смотрѣть съ хорошей стороны на вещи сего мiра, покорился своей судьбѣ и не искалъ проникнуть то, что милосердiе Божеское скрыло отъ насъ непроницаемою завѣсою; онъ видѣлъ дурачества добрыхъ людей сего свѣта, никогда не сердясь на нихъ; онъ довольствовался находить въ нихъ смѣху достойное, не думая, чтобы и въ немъ самомъ онаго не было, и ихъ не менѣе за то любилъ; онъ научился сожалѣть о томъ, кто въ заблужденiи, и убѣгать лишь единаго лицемѣра и злаго; не говоря безпрестанно о добродѣтели и никогда не говоря съ восторгомъ, онъ исполнялъ ее больше по склонности, нежели по должности; онъ былъ увѣренъ, что въ щастiи, или нещастiи, не дол-

должно почитать сей свѣтъ ни раемъ, ни адомъ; что не должно почитать его столь испорченнымъ, какъ онъ кажется симъ плачевнымъ нравоучителямъ, которые судятъ о немъ съ высоты чердаковъ своихъ; ни воображать его столь веселымъ, какъ описываетъ его молодой стихотворецъ, которому любовь и вино разгорячили мозгъ.

Таковъ былъ Фаній, таковы были его чувствія и жизнь его; и какъ онъ наслаждался симъ щастіемъ, котораго мы всѣ желаемъ, то онъ и хорошо дѣлалъ, думая и живучи такимъ образомъ. — Очень хорошо; но что сдѣлалось съ тѣмъ, которой находилъ столько удовольствія измѣрять сферы? — Хорошо, что вы о немъ спрашиваете; ибо мы его и позабыли было. Въ одну ночь онъ дошелъ въ объятіяхъ Клои до того,

го, что могъ произвести въ дѣйство сie: *Познай ты самъ себя*; онъ отсталъ отъ своихъ предразсудковъ и научился ѣсть бобы. — А господинъ Клеантъ? — Едва солнце въ полдни его разбудило, какъ онъ ускользнулъ на цыпочкахъ изъ своей конюшни и спрятался, можетъ быть, въ бочку; словомъ сказать, онъ скрылся и болѣе уже никогда его не видали.

Конецъ.

